

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»

ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge

2020 Vol. 3 №1 (7)

Журнал *Caucasian Science Bridge*

является периодическим печатным изданием, публикующим статьи по направлениям:

**07.00.00 «Исторические науки и археология»,
22.00.00 «Социологические науки», 23.00.00 «Политология».**

Издание предназначено для публикации основных результатов исторических, политических и социокультурных исследований развития макрорегиона Большой Кавказ в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Данное магистральное направление сочетается с немаловажной миссией журнала, связанной с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки, что предполагает возможность публикации в данном издании исследований других регионов современного мира в координатах профиля журнала. Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет.

Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication publishing articles in the directions of:

**22.00.00 “Sociological Sciences”,
23.00.00 “Politics”, 07.00.00 “Historical Sciences and Archeology”.**

The journal is geared on publishing articles in the field of historical, political and sociocultural research of the development of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region. This tramline is combined with the mission of the journal: to create an intellectual and discussion platform. Consequently, the articles dedicated to other regions of the world, written within the framework of the journal profile are published. The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years.

Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly.

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 02.03.2020. Подписано в печать 23.03.2020. Выход в свет 23.03.2020.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 8,25. Тираж 550 экз. Заказ № 96.

Отпечатано в типографии ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111. Тел. 8-918-570-30-30.

Главный редактор:

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Билалов Мустафа Исаевич – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Бодио Тадеуш – доктор политических наук, профессор, Варшавский университет; Польская академия наук, г. Варшава, Польша

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем, г. Ростов-на-Дону, Россия

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ибрагимов Айдын Исмаил-оглы – доктор географических наук, Эгейский университет, г. Измир, Турция

Квициани Джони Джокиевич – доктор исторических наук, профессор, Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, г. Тбилиси, Грузия

Койбаев Борис Георгиевич – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Мкртчян Артур Ервандович – доктор философских наук, профессор, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Новрузов Рафиг Манаф-оглу – доктор филологических наук, профессор, Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Патеев Ринат Фаикович – кандидат политических наук, директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Прити Дибьенду Дас – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Центр исследований России и Центральной Азии, Университет Джавахарлала Неру, г. Нью-Дели, Индия

Райко Гнято – доктор географических наук, Бая-Лукский университет, г. Бая-Лука, Республика Сербская

Рязанцев Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Тхагапсоев Хажисмель Гисович – доктор философских наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акаев Вахит Хумидович – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Бадмаев Валерий Николаевич – доктор философских наук, профессор, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Дьяченко Анжела Николаевна – кандидат философских наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кузнецов Аркадий Вячеславович – Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Максимчик Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Старостин Александр Михайлович – профессор, доктор политических наук, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

Хачецуков Заур Махмудович – кандидат философских наук, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Хопёрская Лариса Львовна – доктор политических наук, Киргизско-Российский славянский университет, г. Бишкек, Киргизия

Шафаги Марьям – преподаватель русского языка, Университет им. Алламе Табатабаи, г. Тегеран, Иран

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский научный центр РАН, г. Махачкала, Россия

Chief Editor:

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bilalov Mustafa Isayevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Bodio Tadeusz – Doctor of Political Sciences, Professor, Warsaw University; Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Druzhinin Aleksandr Georgievich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, North-Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Rostov-on-Don, Russia

Dyatlov Aleksandr Viktorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Ibragimov Aydin Ismail oglu – Doctor of Geographical Sciences, Aegean University, Izmir, Turkey

Kvitsiani Joni Djokievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

Koybayev Boris Georgievich – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Mkrtichyan Arthur Ervandovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Novruzov Rafiq Manaf oglu – Doctor of Philological Sciences, Professor, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

Pateev Rinat Faikovich – Candidate of Political Sciences, Director of the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia

Preeti Dibyendu Das – Doctor of Philosophical Sciences, Senior Assistant Professor, Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Raiko Gnato – Doctor of Geographical Sciences, Banja Luka University, Banja Luka, Republika Srpska

Ryazantsev Sergey Vasilievich – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Trapsh Nikolay Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Tkhagapsoev Khazhismel Gisovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Shadzhe Asiet Yusufovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Adyghe State University, Maykop, Russia

EDITORIAL TEAM

Akaev Vakhit Khumidovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia

Astvatsaturova Maya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Badmaev Valeriy Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kalmyk State University, Elista, Russia

Bedrik Andrey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bespalova Anna Aleksandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, G.R.Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Dyachenko Angela Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaly Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Krinko Evgeniy Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia

Kuznetsov Arkady Vyacheslavovich – Tyumen State University, Tyumen, Russia

Maksimchik Andrey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus

Khachetsukov Zaur Makhmudovich – Candidate of Philosophical Sciences, Adyghe State University, Maykop, Russia

Starostyn Aleksandr Mihaylovich – Professor, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute for Interdisciplinary Researches of Global Processes and Globalization, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Khopyorskaya Larisa Lvovna – Doctor of Political Sciences, Kyrgyz-Russian Slavonic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Shafaghi Maryam – Russian Language Teacher, Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Science Center of RAS, Makhachkala, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ И ОБРАЗОВАНИЯ:

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Ковалев В.В.

Христианство и его роль в эволюции античной культуры 10

Рамазанов Р.О.

Вопросы мусульманского образования в современном дагестанском обществе: (на примере примечетских школ) 18

Шахбанова М.М.

Религиозность и религиозное поведение: теоретико-методологические подходы исследования 29

Аликариева А.Н.

Многофакторная математико-статистическая модель процесса труда в образовательных системах 42

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Болозин А.А.

Методологические основы изучения доступности массового спорта для молодежи 50

Кожин В.В.

Спорт как социальный институт 55

Информация для авторов 61

CONTENTS

ISSUES OF RELIGION AND EDUCATION: HISTORY, THEORY AND MODERN REALITIES

Kovalev V.V.

Christianity and its role in the evolution of Ancient culture 10

Ramazanov R.O.

Issues of Muslims education in modern Dagestan society
(on the example of mosque school) 18

Shakhbanova M. M.

Religiosity and religious behavior: theoretical
and methodological approaches of research 29

Alikarieva A. N.

Multivariate mathematical and statistical model
of the labor process in educational systems 42

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES: THEORY AND PRACTICE

Bolozin A.A.

Methodological bases of accessibility of mass sports for youth 50

Kozhin V.V.

Sport as a social institution 55

Information for authors 61

**ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ И ОБРАЗОВАНИЯ:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ**

УДК 94(37).08

Христианство и его роль в эволюции античной культуры

В.В. Ковалев

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются причины и условия распространения христианства в Римской империи. Обосновывается идея, в соответствии с которой основным импульсом к утверждению христианских ценностей стал процесс постепенного разрушения античных традиций, распространение центробежных тенденций, индивидуализация сознания элиты и средних слоев, обнищание бедных и их люмпенизация. Христианство в этих условиях смогло предложить систему ценностей, которая обеспечивала своим последователям как надежные смысложизненные ориентации, так и уверенность в посмертном будущем. Упадок культуры и политическая нестабильность усиливали эсхатологические переживания, образуя духовный вакуум в социальном пространстве. Его заполнило христианство, как религия в наиболее полной степени отразившая ожидания основной массы населения античного мира.

Ключевые слова: античность; христианство; Римская империя; Церковь; язычество; императорская власть.

Для цитирования: Ковалев В.В. Зарождение христианства и его разрушению в Римской империи // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. №1. С. 10–17.

Christianity and its role in the evolution of Ancient culture

Vitaliy V. Kovalev

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article discusses the reasons and conditions for the spread of Christianity in the Roman Empire. The author substantiates the idea that the main impetus for the establishment of Christian values was the process of gradual destruction of ancient traditions, the spread of centrifugal tendencies, the individualization of the consciousness of the elite and the middle strata, the impoverishment of the poor and their lumpenization. Under these conditions, Christianity was able to offer a system of values that provided its followers with both reliable life-meaning orientations and confidence in the posthumous future. The decline of culture and political instability intensified eschatological experiences, creating a spiritual vacuum in the social space. Christianity was able to fill it, as a religion that most fully reflected the expectations of the majority of the population of the ancient world.

Keywords: antiquity, Christianity, the Roman Empire, the Church, paganism, imperial power.

For citation: Kovalev V.V. Christianity and its role in the evolution of Ancient culture // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol. 3. №1. P. 10–17.

Введение

Обращение к какой-либо теме всегда требует некоторого обоснования, почему выбор был остановлен именно на ней. Ответ на этот вопрос предполагает по меньшей мере двойственное значение. Во-первых обоснование выбора должно мотивироваться особой актуальностью, научной и социальной значимостью. Во-вторых, обязательным мотивом выбора должен быть личный интерес, ибо без его наличия изучение проблемы едва ли может быть продуктивным, хотя бы даже с позиций удовлетворения исключительно познавательного интереса, не говоря уже о научном вкладе в разработку вопроса.

Тема «Христианство и его роль в эволюции античной культуры» имеет актуальное значение в контексте исследования роли христианской религии в процессе возникновения ее в недрах античной культуры как особого фактора, обусловившего ускоренный распад ценностей и норм античного общества. В этом смысле значение

христианства раскрывается через те нормы и ценности культуры, которые были предложены этой религией в целях замены этики античного мира. Обоснование актуальности темы с таких позиций позволяет определить именно культурологическое содержание вопроса о зарождение христианства, оставив в стороне те проблемы, которые обычно поднимаются в исторической науке или религиоведении.

Такой подход позволяет обозначить цель исследования. Она заключается в следующем: рассмотреть процесс зарождения христианства через призму вытеснения античных культурных ценностей христианскими и формирования на этой основе норм и традиций средневековой (христианской) цивилизации.

Христианство как фактор политической борьбы в Римской империи

«Мы постановили даровать всем... право исповедания той веры, которую они предпочитают... Нам кажется, что будет хорошо и благоразумно не отказывать никому... христианину или нехристианину, в праве следовать религии, которая ему наиболее подходит» (Долгов, 2013).

Замечательные слова! Трудно поверить, что они написаны не в наше время, уж очень прочно мы, европейцы, свыклись с мыслью, что все, имеющее отношение к проявлениям веротерпимости и рационализма, сформировалось в последние два века развития европейской цивилизации. Откуда же они родом? Жернова какой революции вымололи из зерен рационального мышления эти удивительные строчки? Может быть, они стали итогом английской или французской буржуазных революций? Вряд ли. Не похожи они и на Нантский эдикт короля Генриха Наваррского, этот первый вестник свободы в религиозной жизни Европы.

Вернемся к временам гораздо более древним, в эпоху Римской империи. Шел 313 год. Империю в который раз за последние десятилетия потрясала борьба за трон. Но если раньше стремиться к нему мог только безумный, а именно такими и были императоры предшественники Диоклетиана, то теперь борьба шла не только за трон, но и за ту огромную власть, которую он предоставлял. Оправившись после реформ Диоклетиана, государство, словно по мановению волшебной палочки, вновь поднялось из руин и пепла, куда его ввергли политические страсти, и засверкало всем очарованием античной красоты.

Повидавшая много империя давно уже не знала столь ожесточенной борьбы. Претендентов на престол было четверо, средства для ее ведения как всегда не выбирались, использовались любые, самые низкие приемы. Впрочем, новшества коснулись и этой, ставшей, увы, традиционной части политической жизни империи. К числу основных приемов добавилась еще и... игра в веротерпимость. Больших успехов здесь добились правители восточной части государства – Константин и Липиний.

Восточная часть Римской империи – это территории, где некогда сложились и долгое время развивались древнейшие цивилизации человечества, которые связаны с именами народов Египта, Малой Азии, Балкан и других. Потеряв государственность, они практически не сохранили в первозданной свежести свою культуру и национальные особенности, кроме, пожалуй, греков, которые и оказали на эти народы наиболее сильное культурное воздействие. Активная эллинизация продолжалась до той поры, покуда в Восточном Средиземноморье не стала распространяться третья сила, составившая не только конкуренцию грекам, но и вытеснившая в итоге греческое влияние в этом регионе. Силой, которая лишила мир очарования эллинской культуры, было христианство. Христиан в Восточной части Римской империи оказалось так много, что даже императоры претенденты на власть закоренелого

язычника Диоклетиана осознали, что без их помощи им своих противников не одолеть.

Теперь мы подошли к тому месту, когда самое время ответить на вопрос какое отношение борьба за власть в IV в. в Римской империи имела к зарождению христианства? В смысле буквальном – никакого, если не брать в расчет, что финальный аккорд в драматической гибели империи поставило именно христианство, основной, если не сказать главный, источник силы, разрушивший античную культуру. Для нас же важен не сам факт борьбы за власть в древнеримском государстве, а значение христианства в роли разрушителя Римской империи, что само собой существенно расширяет постановку вопроса, включая в него и причины распространения христианства, и сущностные черты этой религии как культурного явления.

Характер раннего христианства

Христианская религия возникла в далекой Палестине, отдаленной от Рима сотнями морских миль и многими километрами сухопутного пути. Ее возникновение связано с именем Иисуса Христа. Споры, относительно личности Иисуса, с давних пор стали предметом изучения философии, культурологии, истории. Первая проблема, какая вставала перед исследователями, был вопрос об историчности Иисуса. Этот вопрос решался в зависимости от личностного отношения исследователей к христианству. Так сформировались две школы: мифологическая и историческая. Сторонники первой школы (например, немецкий философ Бауэр) утверждали, что Иисуса, как реальной личности, не существовало (*Кацаева, 1997*). Он есть продукт христианской мифологии. Последователи второй школы утверждают о действительном существовании Иисуса, однако рассматривают этот вопрос с двух сторон. С одной стороны, говорится о том, что Иисус был обычным человеком-проповедником, проповеди которого оставили настолько яркий след в сознании иудеев, что впоследствии сформировались в особую этическую систему, легшую в основу новой религии, т.е. христианства (представителем этого мнения является французский философ Э. Ренан (*Ренан, 2001*)). С другой стороны, можно выделить позицию, характерную для традиционно верующих, с точки зрения которой Иисус рассматривается как подлинный сын Божий, вещавший миру божественное откровение (*Ореханов, Андреев, 2020*).

Определить рациональным путем истину в данном случае не представляется возможным. Тем не менее, как бы ни было на самом деле, христианство с самого момента своего зарождения пустило глубокие корни, оказавшись в той системой этических правил и норм, которая удовлетворяла многих, а, спустя время, и большинство населения Римской империи.

Процесс начального распространения христианства в первые годы после смерти Иисуса Христа неразделимо связан с деятельностью апостола Павла. В силу величайшей исторической случайности государственная власть Рима направила его в Иудею с полномочиями преследовать христиан, как сторонников религии, которая не допускает существования культа императора. Однако, как свидетельствует христианская традиция, по дороге в Иерусалим ему случилось видение Иисуса Христа, который призвал его войти в ряды христиан и действовать во славу Бога. Павел уверовал во Христа и стал самым ревностным его сторонником.

После этой судьбоносной встречи начинается его активная миссионерская деятельность. Он разъезжает с проповедями по всем уголкам римского государства. Под его прямым руководством создаются христианские общины в Галатии, Малой Азии, Греции, Сирии. Апогеем деятельности Павла становится учреждение христианской общины в Риме – самом сердце империи. Именно в этом городе и прерывается

жизнь апостола. Во время гонений на христиан в период царствования Нерона он был сожжен на костре. Как гласит предание, эту же участь разделил с ним и апостол Петр – любимый ученик Христа.

Апостол Павел внес многое также в развитие христианской догматики и этики. В частности, его послания к различным христианским общинам были внесены в Новый Завет и канонизированы Церковью (Чернов, 2019).

Примерно в это время – несколько первых десятилетий после распятия Христа – происходит создание всех книг Нового Завета: учениками апостолов были написаны четыре Евангелия, Апокалипсис от Иоанна и послания к христианским общинам, признанные церковью, как имеющие отпечаток Божьей благодати.

Заслуживает внимания организационное устройство первых христианских общин. Церковные общины на заре христианства очень мало напоминают нам современное церковное устройство с ее жесткой иерархией подчинения, созданной по светскому государству подобному образцу. Строгого церковнослужения еще не было, также, как и духовного сословия, призванного к его осуществлению. Грешник не мог находиться в лоне церкви, потому что христианин по понятиям апостольских времен должен был быть девственно чистым. В силу этого не было потребности и в сословии, которое могло отпускать грехи. Искупление осуществлялось верой. Если прихожане сомневались в искренности и прочности веры христианина, то он отлучался от лона церкви посредством общего решения на собрании. В соответствующем духе происходили и собрания, где все сидели, и каждый заговаривал, когда чувствовал в себе вдохновение, по наитию святого духа, произнося псалмы, благодарственные песнопения, пророчества.

На заре своего возникновения христианская церковь была в строгом смысле лишь религиозным явлением, не имея значения культурообразующего фактора. Это произошло вместе с ростом численности христиан.

Христианское вероучение распадается на три основных составляющих: на догматику, этику и ритуал (обрядность).

Христианская догматика делит последователей христианства на две большие категории: апостольских христиан (апостольскую церковь) и неапостольских христиан (неапостольскую церковь). Первая состоит из трех церквей: католической, православной и протестантской. Вторая включает в себя монофизитов (армянская церковь и эфиопская церковь), ариан, несториан и других. Наибольшая по численности – апостольская церковь. Ее объединяет признание догматики. В то же время разница в понимании догматов есть и в апостольской церкви. Так, православие отрицает догмат о том, что Святой Дух исходит не только от Бога-отца, но и от Бога-сына, который был введен католицизмом. Однако главное отличие православной церкви от католической и протестантской все-таки не в сфере догматики, а в области этики и обрядности.

Этика христианства в ее первоначальном виде была едина для всех конфессий. Ее сущность состоит преимущественно в заповедях: «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» и др. Однако это абсолютная, т.е. идеальная этика, которая в силу своей идеальности не может быть воспринята буквально всеми верующими. Исторически сложилось таким образом, что христианская этика стала срачиваться с народными традициями и обычаями тех странах, в которых существовало христианство. Это сильно разделяло этическую сферу христианства между различными конфессиями, в частности, между православными и католиками. Особенно важно здесь указать на механизм синтеза религиозных и культурных ценностей. Христианство старалось обосновать свое отношение к различным аспектам жизни: праву, собственно-

сти, государству, власти, труду и т.п. В разных конфессиях складывались свои собственные этические формы ценностей.

В настоящее время в силу возвращения к ценностям раннего христианства эти различия уже не имеет религиозного характера, а этическая сфера разных христианских конфессий приближается к единому образцу.

Однако в области ритуала и обрядности существенные различия все-таки остаются. В настоящее время обрядовая и ритуальная сфера наиболее значительным образом отличают разные христианские конфессии друг от друга.

Развитие христианства в условиях разложения ценностей античной культуры

На берегах Восточного Средиземноморья Рим прочно утвердился в I в. н.э. Экспансия на Восток продолжалась и в более поздние времена, но культурное взаимодействие, оказавшее огромное влияние на империю, началось именно с того периода.

Никогда еще римское государство не было таким пестрым в своем этническом и религиозном составе, как после великих завоеваний на Востоке. Перед императорами стояла нелегкая задача объединить новые провинции в единое целое, и Рим с увлечением талантливый организатор отдался этому занятию. Повсюду чувствовался подъем и воодушевление – начинания новых хозяев Востока явно находили отклик в сердцах подданных Рима. Управление городами и провинциями перестраивалось в какой-то мере на римский лад: вводились выборные должности наряду с прямыми назначениями из столицы; принимались меры к оживлению замершей бытовой хозяйственной жизни, и экономический подъем не заставил себя долго ждать, скрепив тесными узами торговли разобщенные прежде территории; проводилась политика уважения к местным верованиям, и в тоже время упорно насаждался культ императора, который в наиболее раболепных районах, таких, как Малая Азия, вскоре стал самым популярным из культов иных божеств.

Римское владычество приняли без сожаления. Национальный дух, убитый еще в прошлые времена, не мог роптать против нового господства. И не известно, чего здесь было больше: рабской покорности или реального желания улучшить свою жизнь.

И все же разочарование, неизбежный спутник любого насилия, еще не наступило, и народы Балкан, Малой Азии, Египта, оказавшись случайными свидетелями проповедей неких христиан, слушали поэтому с недоумением, а подчас и с неприкрытой ненавистью речи этих странных людей, проповедовавших отказ от мирских радостей, строгую мораль и предрекавших миру скорую гибель. Как противоречило все это официальному оптимизму, согласно которому наступил золотой век в жизни всех подданных империи, когда счастье и благополучие так близко, что его благодатное дыхание кружит голову, упоенную радостным предчувствием всеобщего благоденствия.

Христиан сжигали на медленном огне, умерщвляли на крестах, скармливали львам, резали на куски. Христианский культ прослыл мрачным суеверием, а его последователей называли отъявленными мерзавцами, способными на любые преступления. В первые десятилетия существования религии мало кто внимал их проповедям. Надежды людей были обращены к вполне реальному, земному «богу» – Риму, который был понятен и доступен в своих деяниях (*Эрман, Мецгер, 2012*).

Но время шло, а чудес не происходило. Да и Рим вел себя как-то не очень божественно. Распущенность и разврат столицы быстро растекался по провинциям, заражая все сословия и группы людей. Высоконравственные люди с ужасом смотрели на быстрое падение нравов, невольно обращая свои взоры к тем, кто проповедовал от-

каз от удовольствий ради спасения души, обещая за это воздаяние в загробной жизни. Даже блестящее царствование Антонидов во II в. н.э.: Адриана, Антония и Марка Аврелия, не смогло остановить распространение христианства. Попытки императоров возродить античную старину, былые доблести античных времен: патриотизм, мужество, любовь к красоте, свободолюбие были поглощены течением роковых обстоятельств – начала деспотизма явно перевешивали демократизм, и государство все более и более уподоблялось деспотиям Древнего Востока. Реформы Диоклетиана и Константина окончательно довершили эту эволюцию.

Противоречия государственного строя внесли равнодушие в сознание граждан, а ухудшение экономической жизни добавили туда страх и смятение, неуверенность в завтрашнем дне. Выборный порядок должностей превратился в изысканную формальность, которой уже пытались избежать, чтобы не быть связанным с должностями более обременительными, чем полезными. Падение жизненного уровня рождало крайние противоположности: психологию черни, готовую ради куска хлеба и дешевых зрелищ на самые подлые поступки, и нравственную самоотверженность, объясняемую разочарованием в земном мире ради наслаждений в мире небесном.

Вкусы огрубели, о ценности свободы задумывалась лишь интеллектуальная верхушка общества, группа интеллигентов, чьи помыслы со стороны выглядели романтическими мечтаниями людей, потерявших чувство реальности.

Крайнее обнищание людей, их равнодушие к светским властям, ненависть к богатым, падение популярности культа императора должны были находить выход в каких-то деяниях. Одних это толкало на бунты и восстания, а других... другие обращались к христианству, где они находили утешение и так недостающие любому человеку любовь и доброту.

Политика императоров I – II вв. н.э., призванная объединить Рим и его провинции, обошлась дорогой ценой, несмотря на видимые успехи первых двух веков римского господства, обратившихся затем на пользу духовного упадка в обществе. Массы людей оказались лишенными религии, чувства родины, сопричастности к общественному развитию и, главное, надежды быть счастливыми. Космополитизм в виде утраты прочных культурных корней во всех проявлениях этого процесса оказался наиболее благоприятной почвой для распространения христианской религии, не знавшей национальных и культурных границ, которая дала людям и утешение, и строгие нормы морали, и любовь и поддержку самого могущественного и доброго в мире существа – Бога, сопричастного каждому человеку, его бедам и радостям, независимо от сословной и национальной принадлежности.

Причины признания христианства официальной религией Римской империи

Стремительный рост численности христиан в III в. существенно сказался на политической жизни империи. Христианство, вопреки первоначальному мнению римлян, которые обвиняли его последователей в человеконенавистничестве, объединило в своей церкви самых лучших людей римского общества: стойких и мужественных, готовых ради идеи перенести любые мучения, которым они подвергались во время императорских гонений; нравственно чистых, имевших образец поведения евангельскую мораль, чье преимущество перед сухой римской религией или ставшей к тому времени окончательно развращенной греческой мифологией было более чем очевидным. Христианство вытягивало из империи ее лучшие соки, обескровливало, лишая гражданское общество сил и возможностей к процветанию в рамках старой культурной традиции. Люди творят историю. Творить историю Римской империи было уже некому. Античность пришла к упадку.

В такой исторической ситуации императоры соправители Константин и Липиний издали в 313 году Миланский эдикт, основной идеей которого было предоставление всем подданным государства права свободного вероисповедания любой религии. Второй, и уже более решительный шаг в сторону христианства последовал через восемь лет. В 325 году в малоазийском городе Никея состоялся первый Вселенский собор христианской церкви, который стал исторической чертой, разделившей всемирную историю на древнюю и средневековую, античную культуру от христианской; в 325 году христианская вера стала официальной религией римского государства. Это произошло уже в годы единовластного правления Константина, причисленного церковью к лику святых.

Итак, христианство, гонимое столетиями, превратилось в официальную религию. Событие настолько важное, что о нем с неформальной точки зрения можно говорить как о государственном перевороте. Неожиданным его назвать нельзя, ибо все внутренние условия, необходимые для воцарения христианства, уже давно сложились. Недоставало лишь одного: развенчания предубеждений против христианства у верхушки власти. И вот теперь это препятствие преодолено. Константин был тем политиком, который не только чувствовал неизбежность предоставления христианству равных прав наряду с другими религиями, но также видел явные преимущества, которые ему, как правителю, сулил узаконенный союз церкви и государства.

Органы государства давно уже не справлялись с функциями поддержания внутреннего порядка, а христианское требование непротivления злу насилем могло стать внутренним регулятором поведения у верующих.

Утверждение, что вся власть от Бога, идущее в прямое противоречие с демократической традицией Античности, не могло не льстить личному самолюбию Константина, который стремился к неограниченной власти. Христианство предоставляло ему эту возможность, дав в лице Евсевия, личного духовника Константина, идеологическое обоснование новым принципам отношений между императором и обществом.

Борьба с ересями и организация церковной иерархии были хорошей школой и для церкви к последовавшему в 325 году союзу с государством, ибо это вырабатывало нетерпимость к инакомыслию, послушание паствы и чиновничью психологию у духовенства.

В V в. язычество на территории империи было запрещено, стало практиковаться насильственное обращение в христианство. В V в. все дороги на пути следования в новую христианскую цивилизацию были расчищены, личности и народные массы получили свои роли и стали творить новую историю.

Заключение

Историческая родина христианства, место, где произошло рождение этой религии, находится в Палестине. Первоначально новая религия была локализована, ограничена географическими рамками этого региона. Однако христианская этика, то есть нормы и правила поведения, оказались настолько близкими и значимыми для античного общества, что постепенно христианство стало распространяться далеко за первоначальные пределы своей географической родины.

Христианское вероучение распадается на три основных составляющих: на догматику, этику и ритуал (обрядность).

Сразу по возникновении стал наблюдаться большой численный рост христиан. Рост численности христиан в первые годы существования религии был обусловлен миссионерской деятельностью нескольких особенно ревностных сторонников рели-

гии. В первую очередь это относится к апостолу Павлу, который принял наиболее деятельное участие в пропагандировании христианских норм.

До конца II в. численность христиан была незначительной. Рост сторонников религии стал наблюдаться в III-ем столетии. Это было связано прежде всего с тем, что в этот исторический период времени приходят в окончательный упадок нормы и традиции античной культуры. Античный мир приближался к своей гибели, и христианство дало людям той эпохи устойчивые ориентиры и новые моральные ценности, которые в конечном итоге потеснили античные нормы культуры из сознания людей.

Христианство, таким образом, выступило одним из факторов упадка античной цивилизации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ковалев Виталий Владимирович
 Доктор социологических наук,
 Институт социологии и регионоведения,
 Южный федеральный университет,
 E-mail: vitkovalev@yandex.ru

Kovalev Vitaliy Vladimirovich
 Doctor of Sociological Sciences,
 Institute of Sociology and Regional Studies,
 Southern Federal University,
 E-mail: vitkovalev@yandex.ru

Литература

1. Долгов К.К. Миланский эдикт // Международная жизнь. 2013. №7. С. 192-200.
2. Кацаева М.В. Влияние мифологической школы на отечественную историографию раннего христианства / Исследования по всеобщей истории и международным отношениям. Барнаул: АГУ, 1997. С. 16-30.
3. Ореханов Г., Андреев А. Россия в поисках исторического Иисуса: Лев Тостой и Ф. Достоевский VS Д.Ф. Штраус // Slovene. 2020. Т. 9. №1. С. 261-291.
4. Ренан Э. Жизнь Иисуса. М.: Эксмо, 2001. 265 с.
5. Чернов С.В. Образ религиозного гения-творца: св. апостол Павел // Философская школа. 2019. №8. С. 11-21.
6. Эрман Б.Д., Мецгер Б.М. Текстология и социальная история раннего христианства // Страницы: богословие, культура, образование. 2012. Т. 16. №1. С. 13-29.

References

1. Dolgov K.K. Edict of Milan // International Affairs. 2013. No. 7. P. 192-200.
2. Kashchaeva M.V. The influence of the mythological school on the domestic historiography of early Christianity / Studies in general history and international relations. Barnaul: ASU, 1997.P. 16-30.
3. Orekhanov G., Andreev A. Russia in Search of Historical Jesus: Lev Toosta and F. Dostoevsky VS D.F. Strauss // Slovene. 2020.Vol. 9.No. 1. P. 261-291.
4. Renan E. The Life of Jesus. M.: Eksmo, 2001.265 p.
5. Chernov S.V. The image of the religious genius-creator: St. Apostle Paul // Philosophical school. 2019. No. 8.P. 11-21.
6. Erman B.D., Metzger B.M. Textology and social history of early Christianity // Pages: theology, culture, education. 2012. T. 16.No.1. P. 13-29.

Поступила в редакцию

2 февраля 2020 г.

УДК 316.74:2(470.67)

**Вопросы мусульманского образования в современном дагестанском обществе:
(на примере примечетских школ)**

Р.О. Рамазанов

*Дагестанский федеральный исследовательский центр
г. Махачкала, Россия*

Аннотация. В российском обществе имеет место противоречивое отношение к мусульманскому образованию, что вполне объяснимо на фоне протекающих не только в нашей стране, но и в мире сложных религиозных процессов. Существование религиозного экстремизма, желание молодых людей получать образование в исламских государствах, при том, что данный процесс вообще не контролируется официальной светской властью, впрочем, как и духовными мусульманскими центрами, вызывает вполне объективные нарекания. В основном вопросы возникают по поводу деятельности, получивших зарубежное религиозное образование выпускников на территории России: как и что они будут проповедовать, к чему призывать молодое поколение, которому характерны не вполне окрепшие ценностные установки и нравственные ориентации. Более того, утверждать, что в настоящее время в России религиозное мусульманское образование превратилось в поле идеологической борьбы между официально признанными (традиционными) и оппозиционными (нетрадиционными) религиозными течениями, и вполне может выступить барьером на пути появления радикальной идеологии в молодежной среде. В статье анализируется история возникновения примечетских школ, процесс обучения в них, показано отношение населения в разные исторические периоды к мактабам. Показано, что в регионах распространения ислама в общественном сознании существует потребность в функционировании мактабов. Такая же потребность в мактабах имеет место и в западном обществе, ибо масштабная миграция последователей ислама в европейские государства способствовала изменению как этнической, так и религиозной карты континента. Однако, религиозные процессы в западных государствах сопровождаются противоречивыми процессами, вызванными стремлением мигрантов-мусульман интегрироваться в мультикультурное общество, их ориентированностью на самоизоляцию. Такое этническое поведение мигрантов, причем носителей, которые отличаются не только по культурному коду, но и мировоззренческим установкам при благоприятной ситуации способствует формированию интолерантности в общественном сознании и поведении как приезжих, так и представителей принимающего общества.

Ключевые слова: мусульманское образование; медресе; примечетская школа; ислам; образовательная сфера; программы обучения; российское общество; мусульмане.

Для цитирования: Рамазанов Р.О. Вопросы мусульманского образования в современном дагестанском обществе: (на примере примечетских школ) // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. №1. С. 18–28.

**Issues of Muslims education in modern Dagestan society
(on the example of mosque school)**

Rashid O. Ramazanov

*Dagestan Federal Research Center
Makhachkala, Russia*

Abstract. In Russian society, there is a contradictory attitude towards Muslim education, which is understandable against the background of complex religious processes taking place in the world, and not only in our country. The existence of religious extremism, the desire of young people to receive education in Islamic states, despite the fact that this process is not at all controlled by the official secular authorities, however, as well as spiritual Muslim centers, cause quite objective criticism. In addition, mainly questions arise about the activities of graduates who have received foreign religious education on the territory of Russia: how and what they will preach, what to call on the younger generation, which is characterized by not fully strengthened value attitudes and moral orientations. Moreover, to argue that at present in Russia Muslim religious education has turned into a field of ideological struggle between officially recognized (traditional) and oppositional (non-traditional) religious movements, and may well act as a barrier to the emergence of radical ideology among the youth. The article analyzes the history of the emergence of the mosque schools, the learning process in them, shows the attitude of the population in different historical periods to the maktab. It is shown that in the regions of the spread of Islam in the public consciousness there is a need for the functioning of

maktabs. The same need for maktabs also exists in Western society, for the large-scale migration of followers of Islam to European states has contributed to a change in both the ethnic and religious map of the continent. However, religious processes in Western states are accompanied by contradictory processes caused by the lack of desire of Muslim migrants to integrate into a multicultural society, their focus on self-isolation.

Keywords: Muslim education; madrasah; mosque school; Islam; educational sphere; training programs; Russian society; Muslims.

For citation: Ramazanov R.O. Issues of Muslims education in modern Dagestan society (on the example of mosque school) // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol. 3. №1. P. 18-28.

Религиозный ренессанс начала XXI в. в России выдвинул на повестку дня тему, до этого времени не представлявшую особого интереса для обществоведения, в данном случае – это вопрос о конфессиональном образовании. Особенно актуальной проблема религиозного образования является для всего мусульманского сообщества Российского государства и данное обстоятельство обусловлено важнейшей ролью, которую играет исламское вероисповедание в его социокультурной сфере. Причем религиозное образование является базисной надстройкой для воспроизводства долговечных основ духовной жизни социума. Особенно это актуально для Северного Кавказа, подавляющая часть которого является носителем мусульманского вероучения (Блейх, 2017).

Исследователи отмечают, что в конце XX в., когда общество стремилось восстановить утраченные в советский период духовные и культурные традиции, среди народов, традиционно исповедующих ислам, начался процесс реисламизации, и у мусульманского сообщества появилась возможность восстановления и развития исламского образования (Мухаметшин, 2015). В нулевых годах в системе религиозного образования процесс стихийного и количественного роста стабилизировался, появились профессионально работающие мусульманские учебные заведения. Однако в настоящее время можно утверждать о наличии многочисленных проблем, препятствующих выстроить полноценную систему мусульманского образования (Мухаметшин, 2013).

Изучение состояния мусульманского образования в современном российском обществе закономерно поставил вопрос об обозначении дальнейшего пути его развития, что и нашло отражение в статье Р.М. Мухаметшина «Стратегические направления развития мусульманского образования в России». Так, по утверждению Р.М. Мухаметшина за последние годы в России в области исламского образования решается комплекс базовых задач: 1. формируется система конфессионального, государственно-общественного управления исламским образованием, развиваются механизмы выработки и реализации религиозно-образовательной политики России, предусматривающие вхождение исламского образования в единое образовательное и правовое пространство; 2. подготовка педагогических и управленческих кадров для мусульманских учебных заведений приобретает определённую систему, осуществляется повышение квалификации, их профессиональная переподготовка; 3. методическая и информационная база исламского образования с учётом особенностей богословско-правовых школ; 4. создаются организационно-управленческие механизмы, обеспечивающие реализацию гарантии доступности исламского образования с учётом возрастающих конфессиональных потребностей населения (Мухаметшин, 2015). Вместе с тем, как показывает практика, развитие исламского образования является сложным процессом. Поэтому ряд проблем концептуального, информационного, кадрового характера ещё ждут своего изучения и решения (Мухаметшин, 2013).

Далее, он одним из основных пунктов в реализации стратегических направлений исламского образования в современной России определяет необходимость раз-

вивать систему мектебов – начальных воскресных религиозных школ как самых многочисленных, востребованных в сфере мусульманского просвещения и, как следствие, оказывающих значительное влияние на формирование различных (в т.ч. и не традиционных для России) богословских представлений. Вместе с тем, он утверждает, что, несмотря на наличие примерных образовательных программ для мектебов, в реальности контроль за содержанием учебного процесса в них не осуществляется, поэтому допускает осуществление контроля и управления ими через систему вузов, медресе, ДУМ на основе введения соответствующих показателей оценки их работы при одновременном обозначении зависимости финансирования и других мотивирующих факторов ее качеством (*Мухаметшин, 2015*).

Основные мероприятия по реализации стратегии мусульманского образования заключаются в: а) утверждении Советом по исламскому образованию концепции развития исламского образования в России и образовательных стандартов по среднему и высшему профессиональному образованию для мусульманских учебных заведений России; б) проведении научных исследований и мониторингов состояния образовательного процесса в учреждениях мусульманского образования, потребностей в образовательных услугах в регионах, выработке единой кадровой политики и разработке рекомендаций по развитию сферы мусульманского религиозного образования; в) разработке и обновлении нормативных и методических документов для реформирования мусульманского религиозного образования; г) анализе учебно-методической обеспеченности учреждений мусульманского образования, экспертизе учебно-методической литературы; д) разработке и издании учебно-методической литературы по наиболее востребованным направлениям; е) укреплении структур обеспечивающих реализацию этой стратегии, в первую очередь Совета по исламскому образованию; ж) разработке механизмов модернизации мусульманского религиозного образования, проведении исследования результативности внедрения образовательных технологий, на основании которого будет осуществляться разработка рекомендаций по проведению корректирующих действий; з) проведении постоянных курсов повышения квалификации и методических семинаров, организации стажировок (в том числе зарубежных) для преподавателей мусульманских учебных заведений, имамов, государственных служащих, представителей СМИ и общественных организаций, работников силовых структур, учителей общеобразовательных школ (*Мухаметшин, 2015*).

В. Якупов рассматривает проблемы и трудности организации начального исламского образования при мечетях, в связи с чем вводит в оборот термин «начальное примечетское медресе», которым будет охватываться проводимая в мечетях вся образовательная активность. В этой связи он предлагает на рассмотрение разработанный им проект «Примерного положения о начальном примечетском медресе», основываясь на том, что основным звеном системы мусульманского просвещения является образовательная деятельность, проводимая на уровне мечети, в которых обучение исламу существовало в разных формах – детские лагеря, курсы арабской графики, курсы Корана, а также мечети при которых имеются медресе и т.д. Количество таких курсов было большим в начале 90-х гг., в последующем оно снизилось. По мнению В. Якупова, снижается внимание со стороны мусульманского духовенства и общественности к низовой форме мусульманского обучения, и для повышения ее престижа он предлагает унифицировать, во-первых, его организационное оформление в мусульманских приходах, во-вторых, ввести в оборот термин «начальное примечетское медресе», которым будет охватываться вся проводимая в мечетях образовательная деятельность (*Якупов, 2009*).

Н.О. Блейх, проанализировав имеющиеся в науке исследования по конфессиональному образованию, к достоинствам учебно-воспитательной работы этих образовательных заведений относит а) индивидуальный подход к каждому муталиму (ученику); б) передовые по тем временам методики обучения; в) конкуренцию среди преподавателей (ученик мог перейти к более знающему учителю); г) поощрение знаний окружающими. Вместе с тем, она обозначает причины, из-за которых традиционное мусульманское образование подвергалось справедливой критике: а) не было определенного срока начала занятий и приспособленных для этого помещений; б) само обучение не имело определенной методики и проходило на арабском (в большей степени), староосманском и татарском языках; в) практиковались наказания; г) обучение было сословным и платным (Блейх, 2017).

Н.А. Нефляшева обращает внимание на существование в науке определенного разнобоя в определении начального сегмента мусульманского образования: «в наименовании религиозных школ в региональной русской документации отсутствует терминологическая ясность – они называются "начальными школами медресе" и мектебе, что не соответствует принятой на Ближнем Востоке терминологии. В практике русского делопроизводства и произведениях адыгской интеллигенции начала XX в. название медресе закрепилось за начальными школами, а за средними – мектебе» (Нефляшева, 2009). Также возражения исследователей вызывала и сама система мусульманского образования, в данном случае, мактаб, который выступает своего рода начальной школой. Например, С. Форфоровский в своей статье «Дагестанская мусульманская школа» отмечает, что программа обучения в мактабе ограничивалась в основном привитием учащимся навыков беглого механического чтения. Обучались учащиеся и письму, однако объем знаний по этому предмету был у них даже скуднее, чем по чтению. Окончившие мактаб с трудом умели писать и списывать текст с оригинала (Каймаразов, 2012): «даже при благоприятных условиях, кончая курс школы, курс, продолжающийся около четырех лет, туземный мальчик приобретает умение механически читать, и читать только те книги, по которым он учился (остальные разбираются обыкновенно с большим трудом) и выводить буквы или списывать с данного оригинала. Привычка к механическому чтению укореняется так сильно, что зачастую, прочитав самое простенькое изложение на родном языке, ученик, окончивший школу, не в силах пересказать его своими словами. Это при благоприятных условиях...» (Форфоровский, 1915). Обычно же горский мальчик уходил из школы, научившись только механическому чтению или «унося смутное представление о существовавших каких-то замысловатых крючках, точного смысла и значения которых постигнуть ему так и не удалось» (Форфоровский, 1915).

Если обратиться к современным исследователям, то заслуживает внимания позиция А.Р. Наврузова, утверждающий, что «за пятнадцать лет, прошедшие со времени воссоздания системы исламского образования в стране, с достаточной определенностью выявились как общие тенденции, определяющие его существование сегодня, так серьезные недостатки и упущения религиозной школы и, наконец, возможные перспективы ее развития и адаптации к нуждам быстро меняющегося постсоветского общества» (Наврузов, 2007).

Если обратиться к методике обучения, то оно в начальной мусульманской школе начиналось с изучения арабской азбуки, после чего приступали к прохождению соответствующих глав Корана. Каждая глава Корана прочитывалась по нескольку раз до тех пор, пока ученик не начинал совершенно свободно и бегло читать ее, причем содержание прочитанного он не понимал (Туземец. Грамотность в горах Дагестана., 1900), что можно классифицировать как катехизический метод обучения.

Абдулла Омаров в «Воспоминаниях муталима» следующим образом описал методику проведения занятий в своей школе: «мулла призывал к себе каждого из них (ученика – авт.) по очереди и заставлял сперва прочесть вчерашний урок, потом сам читал новый урок с переводом на туземный язык, слово в слово; наконец, заставлял ученика прочесть то же самое, и это служило уроком для следующего дня. Если же ученик не выучил вчерашнего урока, тогда новый урок откладывался. В остальное время дня ученики занимались сами, а кадий только изредка замечал, когда кто-нибудь из нас сидел без книги, что ученик должен иметь перед собой книгу» (Омаров, 1868).

По мнению М.Н. Фархшатова, учебный курс мектеба соответствовал поставленной цели – включал чтение и письмо на арабском языке, языки тюрки, вероучение и начальные сведения из арифметики. Установленного срока обучения в начальной школе не было, обычно он составлял 3 – 4 четыре года. Ученики учили не звуки, а название букв. Выучив алфавит, они приступали чтению по книге «Иманшарты» («Основы веры»), а затем по «Афитияку» сначала говорили названия букв слога и только потом читали весь слог. В лучших мектебах одновременно усваивалась буквенная символика чисел, иногда и письмо. При этом серьезной преградой на пути усвоения детьми был разрыв между языком обучения в школе и языком общения в семье, поэтому не случайно многие шакирды, даже проучившись 2-3 зимы, выходили из мектебов так и не научившись читать. Овладев механизмом буквосложения, лучшие ученики мектеба на второй или третий год обучения приступали к чтению религиозно-дидактических произведений восточных и местных писателей на языке тюрки: «Ахырзаманкитабы» («Книга о светопреставлении») С. Бакыргани, «Кисса-и Йусуф» («Книга о Юсуфе») Кол Гали, «Рисала-и Газиза» («Трактат, посвященный Газизе») Т. Ялсыгулова, «Мухаммадийа» («Книга, посвященная пророку Мухаммаду») М. Челеби, «Субаталь-гад жизин» («Слабость немощных») СуфиАллаяра, «Бадавам» («Постоянно повторяй») и «Кисикбашкитабы» («Книга об отсеченной голове») неизвестных авторов и др. Изучение этих книг играло важную роль в религиозно-нравственном воспитании учащихся. В форме диалогов, анекдотов, красочно и живо описанных сцен они исподволь внушали читателю идеи и доктрины ислама. В то же время от знакомства с лучшими образцами мусульманской назидательной литературы школьники выносили и некоторые сведения по истории, географии, этике, эстетике, что способствовало нравственному развитию детей (Фархшатов, 1994).

Если обратиться к истории появления примечетских школ, то в этой связи справедлива позиция К.И. Насибуллова, что «необходимость передачи верующим-неофитам основ религиозных знаний в соответствии с принятым религиозным канонам привела к формированию в составе религиозных конфессий особого института начального религиозного образования... Именно религиозное образование приводит к систематическим изменениям в его убеждениях, установках, что, в конечном счете, обеспечивает формирование особого стиля жизни верующего человека» (Насибуллов, 2015). Также следует отметить, что значимость начального сегмента религиозного образования для деятельности религиозных сообществ в российском обществе существенна из-за несформированности трансляции религиозных знаний, более того, исследователями подмечен тот факт, что «молодое поколение, выросшее в современной России, оказывается более компетентным в религиозных вопросах, нежели старшее поколение, чье мировоззрение формировалось под влиянием советской образовательной системы» (Насибуллов, 2015).

К 60-м гг. XIX в. мектебы и медресе представляли собой типичные школы ислама, перенесенные из мусульманского Востока, но приспособленные к местным

условиям. В национальном плане они были нейтральны и обучаться в них мог любой мусульманин. Формы организации мектебов и медресе определялись религиозными традициями, что делало их похожими на аналогичные учебные заведения мусульманского мира. Так продолжалось и в первые пореформенные десятилетия. «Еще 25 лет назад, – писал чиновник Министерства просвещения Н.А. Бобровников в 1913 г., – входя в мектеб или медресе в Алжире, Константинополе или Бруссе, я чувствовал себя как бы перенесенным в Приволжские местности: до такой степени общая картина была тождественна» (Фархшатов, 1994).

При оценке учебно-воспитательной деятельности традиционных мектебов и медресе сложилось одностороннее мнение в силу ряда субъективных факторов, хотя, М.Н. Фархшатов приводит мнение Н.П. Остроумова, что в России «за единичными исключениями, почти не знают мусульманской школы» (Фархшатов, 1994). Далее, М.Н. Фархшатов исходит из утверждения, что организация учебно-воспитательной деятельности школы определяется ее целью, при этом опираясь на Акте частного совещания духовных лиц округа Оренбургского магометанского духовного собрания, по которому «конечная цель мектеба научить мусульманских детей чтению и письму, познакомить их с установками ислама, воспитать их в доброй нравственности и указать им путь к достижению благополучия земного и небесного и тем содействовать миру и покою государства» (Фархшатов, 1994).

Если обратиться к системе образования в нашей республике, то в XIX в. в Дагестане существовали и параллельно развивались школы двух типов: светские школы, в которых обучение проводилось на русском языке, и религиозные мусульманские школы с преподаванием на арабском языке. При этом главное назначение школ первого типа сводилось к подготовке из представителей чиновников военно-административного аппарата, а в учебных заведениях второго типа система подготовки служителей религиозных культов, специалистов-теологов, богословов, определялась историческими, национально-религиозными особенностями. В целом школы были недоступны большей части горских детей, о чем свидетельствует тот факт, что в школах обоих типов к концу XIX в. обучалось примерно 7,5% всех детей школьного возраста (Багатырадаева, 2013).

Известно, что процесс исламизации Дагестана начался в период арабских завоеваний (VII в.), охватил новые районы в эпоху монгольских нашествий и в основном завершился в XVI в. (Шихсаидов, 1969). Распространение ислама сопровождалось созданием очагов мусульманского образования – мактабов и мадраса. В них дагестанские дети и молодежь наряду с грамотой обучались догматам мусульманской религии. С упрочением позиций ислама мусульманские школы открывались повсеместно, а в крупных селениях имелось по несколько таких школ. Мусульманская система образования получила в Дагестане широкое распространение, а мусульманские школы стали важнейшими центрами обучения и воспитания подрастающего поколения.

Вопрос мусульман, роль их духовных центров и духовных лиц, степень воздействия на общественное сознание, более того, нежелание мусульман-мигрантов адаптироваться в местное сообщество, несомненно, довольно сильно актуализирован. Также вопрос мусульманского образования актуализирован не только в российском обществе, но и в западных государствах, поэтому представляется важным показать существующие в зарубежной науке точки зрения в отношении мусульманского образования. Поэтому остро стоит вопрос исследования исламского фактора в западном обществе, следовательно, представляется важным анализ зарубежной научной литературы, в которой излагается исламская проблематика и образование.

Проблема социального самочувствия мусульманского населения в странах Западной Европы актуализировалась на фоне мощных миграционных процессов, которые протекают в этих государствах. Одним из существенных факторов в данном, довольно сложном и противоречивом, процессе является рост численности мигрантов, которые в силу самых разных причин вынуждены покидать свою историческую родину и переселяться в экономически развитые страны. Как правило, появление людей, отличающихся от местного населения не только этнокультурными различиями и вероисповеданием, но и чисто физическим типом, цветом кожи и т.д. вызывает неоднозначное отношение и восприятие в западном мире, которое, несмотря на провозглашение принципов толерантности, все же является обществом со своей специфической культурой поведения и жизни.

В этой связи можно вспомнить развернувшееся против ношения хиджабов в общественных местах во Франции движение – с одной стороны, ущемление прав человека, которые незыблемы для западного общества, с другой, противоречат устоям самого государственного устройства. Также в Нидерландах был принят закон, который также вводит запрет на ношение исламской одежды. Возникает вполне обоснованный вопрос «В чем состоит мотивация такого решения власти?». Можно предположить в том, что в этих государствах совершаются террористические акты, как выходцами из мусульманских стран, так и представителями местного населения, которые придерживаются националистической идеологии.

Исходя из того факта, что начальное мусульманское образование существенно влияет на массовое сознание мусульман, определенную трудность представляет объяснение нежелания рассмотреть сложные вопросы не только мусульманского образования, но и вообще нахождения мусульман в чуждом для них практически по всем параметрам западном обществе, в котором они, более того и не желают адаптироваться, предпочитая анклавное проживание с сохранением своих социокультурных ценностей. Примером является турецкое население, например, в Германии: они имеют точки общественного питания со своей национальной кухней, телевидение, вещающее на их родном языке и т.д., что позволяет им, совершенно не ущемляя себя в этнокультурном и этнорелигиозном плане жить в чуждой в культурном, национальном, конфессиональном отношении среде. Если научное сообщество не изъявляет особого желания изучать вопрос адаптации мусульман в западном обществе, то западные исследователи широко обсуждают вопросы мусульманского образования в русле мультикультурализма, хотя политика «плавильного котла», как признают сами западные лидеры (например, А. Меркель) не смогла себя в полной мере реализовать, более того, можно утверждать, что она потерпела крах, ибо мусульманское население изначально и не было ориентировано на принятие ценностей западного общества и не собиралось отказываться от своей специфической этноконфессиональной культуры.

Если обратиться к работам западных ученых, например, австралийский исследователь Я. Хассен усматривает научную значимость изучения мусульманских школ с целью сохранения стабильности в поликультурном обществе, что позволит обеспечить национальную безопасность и это при том, что численность мусульманского населения в Австралии, по его же данным, довольно небольшая (всего 2,2 % от общего числа жителей) Далее Я. Хассен указывает на критику, которой подвергаются исламские школы в Австралии, придерживаясь мнения, что не исламские школы формируют исламскую идентичность, а ключевую роль в данном процессе выполняет семья, а также родственники (*Hassen, 2013*).

Вопросы исламских школ, их роль в формировании идентичности, в данном контексте исламской, а также связь идентичности с семьей и ближним кругом родственников рассмотрена в работе шведских исследователей Дж. Бергланд и Б. Джент, которые на примере анализа традиционного пакистанского общества установили существование таких понятий как «бирадари», связанное с семьей и ближайшими родственниками, и «изаат», обозначающее семейную честь. По их утверждению старшие члены семьи являются хранителями традиций, но преемственность может быть нарушена из-за тяготения молодежи к салафитской версии ислама (*Berglund, Gent, 2019*)

Проблема финансирования государством исламских школ в Англии рассматривается в рамках исследования их роли в формировании исламской идентичности (*Hills, 2019*). Вместе с тем, в английском социуме имеет место негативное отношение к государственному финансированию исламских школ, с мотивацией, что они формируют исламскую идентичность (*Meer, 2019*).

Еще в 80-х гг. XX в. в европейских государствах появляются мусульманские школы с государственным финансированием. В Швеции мусульмане составляют вторую по численности религию в стране после христианства. По мнению Дж. Бергланд, большая часть мусульман в шведском обществе не являются религиозными, но определенная часть (немногим более 100 тыс.) хотят жить по исламу. Такая же картина характерна для Норвегии, где около 100 тыс. мусульман хотят жить по исламским канонам. В Осло мусульманская школа просуществовала 2 года с 1999 по 2001 гг. В Финляндии существовала мусульманская школа в 1948–1969 гг., в настоящее время исламское образование доступно при мечети в Хельсинки для небольшого числа учащихся. В Дании действует около 20 мусульманских школ, их финансирование осуществляется частично государством, а часть платы за обучение вносят родители учащихся (месячная плата за обучение составляет 40 евро). В 2010 г. в Дании функционировала 21 мусульманская организация, которые обладали определенными налоговыми привилегиями. Учащиеся остаются изучать религиозные дисциплины в школе после уроков или в выходные дни, либо получают исламское образование дома. Мусульманские школы Дании контролирует не министерство образования, а сторонняя структура, выбранная родителями. Основная проблема в том, какому направлению в исламе соответствует образовательный процесс. Вторая статья первого Дополнительного Протокола Европейской Конвенции по правам человека гласит: «Каждый имеет право на образование... Государство должно уважать право родителей обучать детей в соответствии с их религиозными и философскими убеждениями». В Дании в начале 90-х гг. мусульманские школы критиковали по трем пунктам: а) менеджмент, б) уровень образования, в) ценности и стандарты. Результатом критики стало изменение закона о независимых школах, суть которого заключалась в том, что школы должны готовить учащихся к жизни в свободном и демократическом обществе. Это означало, что управляющий персонал таких школ должен говорить и писать на датском языке, а преподавание в начальной школе также должно вестись на датском.

Выше было отмечено, что Европейская конвенция по правам человека гарантирует право родителей обучать детей в соответствии с их религиозными убеждениями. Если обратиться к другой европейской стране, то в Швеции первая мусульманская школа открылась в 1993 г., в настоящее время в стране действует уже 15 школ и в каждой насчитывается от 20 до 750 учащихся. В них обучают чтению Корана, арабскому, истории ислама и на их изучение отводится от 1 до 3 часов в неделю. Согласно исследованиям Национального агентства образования Швеции, в 1997 г. мусульман-

ские родители отдают своих детей в мусульманские школы, потому что хотят сформировать у детей правильное представление об исламе, уважение мусульманских канонов в потреблении пищи, ношении одежды, совершении молитвы и пожертвовании финансовых средств на благотворительность. В качестве мотива у родителей, предпочитающих мусульманское образование, может выступать страх перед опасностью, которую представляют алкоголизм и наркомания. При этом исследователи отмечают, что родители могут испытывать определенные сложности в коммуникации с руководством и преподавателями городских школ, что также может служить одной из причин, по которой родители предпочитают мусульманское образование для своих детей. Как представляется, родители руководствуются соображениями безопасности и благополучия при выборе мусульманских школ, нежели городских школ. Иными словами, выбирая мусульманскую школу, родители хотят обеспечить своим детям благоприятную среду, в которой отсутствует дискриминация и ущемление прав меньшинств. Для родителей, предпочитающих мусульманское образование, ислам – это норма и дети должны получать знания о лучшей жизни с исламской точки зрения. Такая же картина характерна и Дании, где мусульманские родители предпочитают отдавать своих детей в католические школы, нежели в государственные, поскольку там они получают позитивное знание о религии, там строгая дисциплина и небольшое количество иностранцев. В Швеции, как и в других государствах, есть, выступающие против религиозного образования, считая, что частные мусульманские школы раскалывают общество. На основе проведенного анализа мусульманского образования в европейских странах Дж. Бергланд делает вывод, что учреждение мусульманских школ – это способ организации жизни в соответствии с исламом. Ислам – это норма, формирующая образ жизни и способ обретения знаний. Однако следует помнить, что различия между различными школами в исламе существенны (Berglund, 2014).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что проблема мусульманского образования актуализирована в современном российском обществе, более того, автор предполагает, что обучение в исламских учебных заведениях способствует формированию религиозной, в данном контексте, исламской идентичности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рамазанов Рашид Омариевич

Кандидат политических наук, научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

E-mail: rashram@yandex.ru

Ramazanov Rashid Omarievich

Candidate of Political Science, Research scientist

Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

E-mail: rashram@yandex.ru

Литература

1. Berglund J., Gent B. Believing, belonging and behaving: some considerations when teaching about Islam // URL: https://www.su.se/polopoly_fs/1.385561.1526389353!/menu/standard/file/.

2. Berglund Jenny Islamic Education in Secular Society: The Case of Northern Europe // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: сб. ст. / Отв. ред. Д.В. Брилев. Казань: Изд-во КФУ, 2014. С. 309 – 329.

3. *Hassen Y.* Making Muslims: The Politics of Religious Identity Construction and Victoria's Islamic Schools // *Islam and Christian – Muslim Relations*. 2013. Vol. 24, № 4. P. 501 – 517.
4. *Hills P.A* Normative Approach to the Legitimacy of Muslim Schools in Multicultural Britain // URL: <https://schoolsweek.co.uk/a-normative-approach-to-the-legitimacy-of-muslim-schools-in-multicultural-britain>.
5. *Meer N.* Muslim schools in Britain: challenging mobilisations or logical developments? // URL: <https://scholar.google.ru/citations?user>.
6. *Багатырадаева А.Р.* Формирование и развитие культурно-образовательных учреждений в процессе становления культурно-образовательного пространства в Дагестане во II половине XIX века // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки*. 2013. № 2 (23). С. 35 – 39.
7. *Блейх Н.О.* Модель традиционного исламского образования народов Северного Кавказа (X – XVIII вв.) // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2017. Т. 3. № 3. С. 170 – 182.
8. *Каймаразов Г.Ш.* Мусульманская школа Дагестана в конце XIX – начале XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 10 (24). Часть 1. С. 95 – 98.
9. *Мухаметшин Р.* Мусульманское образование в современной России на рубеже XXI века // *Ислам в России: наука и образование. Материалы научной конференции*. СПб., 2013. С. 720 – 724.
10. *Мухаметшин Р.М.* Система мусульманского образования в современной Центральной России в контексте внутриконфессиональных процессов // *Ислам и государство в России*. Уфа, 2013. С. 17 – 21.
11. *Мухаметшин Р.М.* Стратегические направления развития мусульманского образования в России // *Ислам в современном мире*. 2015. Том 11. № 4. С. 35 – 46.
12. *Наврузов А.* Перспективы исламского образования в Дагестане // *Вестник Евразии*. 2007. № 3. С. 78 – 89.
13. *Насибуллов К.И.* Начальный сегмент мусульманского образования: итоги мониторинга примечетских курсов в Республике Татарстан // *Исламоведение*. 2015. №1. С. 29 – 42.
14. *Нефляшева Н.А.* Мусульманское образование на Северо-Западном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение*. 2009. № 4. С. 72 – 92.
15. *Омаров А.* Воспоминания муталима // *Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ)*. Тифлис, 1868. Вып. 1.
16. *Туземец.* Грамотность в горах Дагестана // *Этнографическое обозрение*. 1900. № 1. С. 106 – 120.
17. *Фархатов М.Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период, 60 – 90-е годы XX в. М., 1994. – 144 с.
18. *Форфоровский С.* Дагестанская мусульманская школа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1915. Ноябрь. С. 16 – 21.
19. *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969. – 252 с.
20. *Якупов В.* Начальное примечетское медресе // *Минар*. 2009. № 1(3). С. 69 – 72.

References

1. Bagatyradaeva A. R. Formation and development of cultural and educational institutions in the process of formation of cultural and educational space in Dagestan in the second half of the XIX century // *Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. Psychological and pedagogical sciences*. 2013. No. 2 (23). pp. 35-39.
2. Bleikh N. O. Model of traditional Islamic education of the peoples of the North Caucasus (X – XVIII centuries) // *Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates*. 2017. Vol. 3. no. 3. pp. 170-182.
3. Kaimarazov G. Sh. Muslim school of Dagestan at the end of the XIX – beginning of the XX century // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. 2012. No. 10 (24). Part 1. pp.95-98.
4. Mukhametshin R. M. Strategic directions of development of Muslim education in Russia // *Islam in the modern world*. 2015. Vol. 11. No. 4. pp. 35-46.
5. Mukhametshin R. Muslim education in modern Russia at the turn of the XXI century // *Islam in Russia: science and Education. Proceedings of the scientific conference*. St. Petersburg, 2013. pp. 720-724.
6. Mukhametshin R. M. The system of Muslim education in modern Central Russia in the context of intra-confessional processes // *Islam and the state in Russia*. Ufa, 2013. p. 17-21.
7. Navruzov A. Prospects of Islamic education in Dagestan // *Vestnik Evrazii*. 2007. No. 3. pp. 78-89.

8. Nasibullov K. I. The initial segment of Muslim education: the results of monitoring of university courses in the Republic of Tatarstan. 2015. No. 1. pp. 29-42.
9. Neflyasheva N. A. Muslim education in the North-Western Caucasus (the second half of the XIX – beginning of the XX century). Mosk. un-ta. Ser. 13. Oriental studies. 2009. No. 4. pp. 72-92.
10. Omarov A. Memoirs of mutalim / / Collection of information about the Caucasian mountaineers (SSKG). Tiflis, 1868. Issue 1.
11. Farkhshatov M. N. Folk education in Bashkiria in the post-reform period. 60-90 - ies of the XX century. M., 1994. 144 p.
12. Forforovsky S. Dagestan Muslim school / / Journal of the Ministry of Public Education. 1915. November. p. 16-21.
13. The native. Literacy in the mountains of Dagestan // Ethnographic review. 1900. No. 1. pp. 106-120.
14. Shikhsaidov A. R. Islam in medieval Dagestan. Makhachkala, 1969. 252 p.
15. Yakupov V. Initial Tibetan madrasah / / Minar. 2009. No. 1(3). pp. 69-72.
16. Berglund Jenny Islamic Education in Secular Society: The Case of Northern Europe // Islam in the multicultural world: Muslim movements and mechanisms of reproduction of the ideology of Islam in the modern information space: collection of articles / Ed. by D. V. Brilev. Kazan: KFU Publishing House, 2014. pp. 309-329.
17. J. Berglund, B. Gent Believing, belonging and behaving: some considerations when teaching about Islam. Available at: https://www.su.se/polopoly_fs/1.385561.1526389353!/menu/standard/file/.
18. Meer N. Muslim schools in Britain: a challenging mobilisations or logical developments? Available at: <https://scholar.google.ru/citations?user>.
19. Hassen Y. Making Muslims: The Politics of Religious Identity Construction and Victoria's Islamic Schools / / Islam and Christian – Muslim Relations. 2013. Vol. 24, No. 4. p. 501-517.
20. Hills P. A Normative Approach to the Legitimacy of Muslim Schools in Multicultural Britain Available at: <https://schoolsweek.co.uk/a-normative-approach-to-the-legitimacy-of-muslim-schools-in-multicultural-britain>.

Поступила в редакцию

15 февраля 2020 г.

УДК 316.347(470.62)

**Религиозность и религиозное поведение:
теоретико-методологические подходы исследования**

М.М. Шахбанова

*Дагестанский федеральный исследовательский центр
г. Махачкала, Россия*

Аннотация. В научном сообществе не одно десятилетие ведутся бурные дискуссии по определению наиболее приемлемого и не противоречащего иным концептам методике исследования религиозности населения. Повышение интереса к религиозной проблематике началось в постсоветский период, когда религиозный ренессанс обусловило рост населения к религиозным учениям, причем самого различного характера (не только традиционным, но и нетрадиционным). При этом в российском обществе можно было наблюдать появление в общественном сознании межрелигиозной, внутррелигиозной интолерантности, а также негативного отношения к людям с иными мировоззренческими установками. В статье рассматриваются существующие в современной отечественной и западной науке концепты, подходы и теоретико-методологическое изучение актуальных для научного сообщества понятий «религиозность» и «религиозное поведение». Уделено внимание анализу существующего в современном российском обществе негативного отношения к атеизму и атеистической идеологии в целом. Показаны критические подходы к «В-индекс» В.Ф. Чесноковой, изложены предложенные Н.П. Алексеевым и Ф.Н. Ильясовым методы исследования религиозности и культового поведения населения. Анализ существующих в западной и отечественной социологии религии концепций исследования уровня религиозности, интенсивности культового поведения населения, численности верующих, индикаторов измерения соответствия самоидентификации с определенным вероисповеданием и соблюдением религиозных постулатов, выраженность типов религиозности в различных социальных слоях показывает, что религиозная сфера является очень сложной областью и попытки использования только одного концепта и с его применением измерять степень религиозности населения, интенсивность его ритуального поведения изначально не позволяет получить, во-первых, реальную картину, во-вторых, прогнозировать тенденции дальнейшего развития данной сферы.

Ключевые слова: религиозность; религиозное поведение; теория депривации; воцерковление; религиозные ритуалы; культовое поведение; вероучение; религиозное население; типы религиозности.

Для цитирования: Шахбанова М.М. Религиозность и религиозное поведение: теоретико-методологические подходы исследования // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. №1. С. 29–41.

**Religiosity and religious behavior: theoretical
and methodological approaches to research**

Madina M. Shakhbanova

*Dagestan Federal Research Center
Makhachkala, Russia*

Abstract. The scientific community has been conducting heated discussions for more than a decade to determine the most acceptable methodology for studying the religiosity of the population that does not contradict other concepts. An increase in interest in religious issues began in the post-Soviet period, when the religious renaissance led to an increase in the population towards religious teachings, moreover, of a very different nature (not only traditional, but also non-traditional). At the same time, in Russian society one could observe the appearance in the public consciousness of interreligious, intrareligious intolerance, as well as a negative attitude towards people with different ideological attitudes. The article examines the concepts, approaches and theoretical and methodological study of the concepts "religiosity" and "religious behavior" that are relevant to the scientific community, existing in modern domestic and Western science. Attention is paid to the analysis of the negative attitude towards atheism and atheistic ideology in general in modern Russian society. Critical approaches to the "B-index" of V.F. Chesnokova, proposed by N.P. Alekseev and F.N. Ilyasov methods of research of religiosity and cult behavior of the population. An analysis of the concepts of studying the level of religiosity, the intensity of cult behavior of the population, the number of believers, indicators of measuring the conformity of self-identification with a certain religion and adherence to religious postulates, the severity of types of religiosity in various social strata shows that the religious sphere is a very complex

area and attempts to use only one concept and, with its application, measure the degree of religiosity of the population, the intensity of its ritual behavior initially does not allow obtaining, firstly, a real picture, and secondly, predicting trends in the further development of this area.

Keywords: religiosity; religious behavior; theory of deprivation; churching; religious rituals; cult behavior; creed; religious population; types of religiosity.

For citation: Shakhbanova M. M. Religiosity and religious behavior: theoretical and methodological approaches of research // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol. 3. №1. P. 29–41.

Постсоветский период развития российского общества характеризуется активизацией исследований религиозной сферы, различных ее аспектов, к числу которых относятся процессы религиозного возрождения и их прогнозирование, место религии в современном российском обществе, анализ выполняемых ею социальных функций, ибо «в критические моменты развития общества популярность религиозных взглядов и ценностей возрастает. В условиях повышения общественной значимости религии как мировоззрения, а церкви как социального института усиливается актуальность изучения процесса секуляризации населения социологическими методами» (Кублицкая, 1990), более того, «продолжительная близорукость социологов по отношению к религии преодолена, и религия становится трендовой темой не только в академической, но и в политической среде» (Каргина, 2013). Поэтому «социология религии стала менее изолированной в последние годы, и это связано не только с возросшей ролью религии в мире, но и с изменениями внутри сообщества социологов религии» (Каргина, 2013). При этом взаимоотношение вероучения и культуры является очень сложной, ибо «они составляют одну из наиболее значимых составляющих турбулентности в современном обществе» (Каргина, 2013). Исследование религиозного учения предполагает, что «на протяжении практически всего XX столетия господствующие механизмы управления явно или латентно воспроизводили либерально-светское мировоззрение, которое стало одним из краеугольных камней современности, ее культурной сущностью. Однако социальные реалии конца XX – начала XXI вв. "вытащили" религию из периферийной зоны социума на авансцену, придав ей новое качество, актуализировав не востребуемые долгое время ее социальные роли, что катализировало новые культурные сдвиги» (Каргина, 2013).

Прежде чем обратиться к современной модели изучения религиозности и ее типов, места религиозной идентичности в структуре социальной идентичности, конкретно специфику культового поведения городского населения необходимо изложить положение религии в историческом аспекте. По мнению Е.А. Кублицкой, «теоретическая интерпретация секуляризации при социализме не всегда согласовывалась с реальностями этого процесса в нашем обществе, а иногда находилась в прямом противоречии с ними. Указанное расхождение отразилось на используемых в исследовании методиках измерения уровня и степени религиозности» (Кублицкая, 1990). Более того, по утверждению С.Г. Кара-Мурзы, «советский человек был, да и по сей день в большинстве своем остается глубоко религиозным. Именно это – советское – государство, созданное "коммунистами и беспартийными", было проникнуто религиозным чувством, – в этом была его сила, и его слабость... борьба большевиков с Церковью была столкновением сходных по внутренней убежденности сил» (Русский коммунизм глазами христианского теолога., 2013).

Таким образом, усиление религиозного компонента в современном обществе сопровождается необходимостью исследования религиозности населения – кого можно считать верующим человеком, каковы индикаторы измерения степени и уровня его религиозности, а также очень актуального в данном аспекте вопроса – соответствие типа религиозности и культового поведения. Не вызывает сомнения, что

роль религии настолько возросла и религиозная тематика освещается на разного рода уровнях как представителями властных структур, так и средствами массовой информации, видимо, поэтому «инвариантной характеристикой российского общества, как и других современных обществ является религиозный и культурный плюрализм, использование различными социальными общностями и политическими силами этнических и религиозных идентичностей как в качестве интегрирующих социальных механизмов, так и в качестве маркеров различия, чему способствует государственная политика поддержки культурного многообразия» (Богатова, 2011).

Религиоведы, исходя из наблюдающейся активности духовных лиц, закономерно ставят вопрос о статусе религиозного учения в современном российском обществе, т.е. возникает необходимость четкого обозначения происходящих в религиозной сфере процессов – это возрождение религии или же усиление религиозного сознания, потому что «многим из людей старшего поколения, воспитанным в условиях советского атеизма, это представляется несколько непонятным и тревожным» (Анурин, 2013). Не меньшую тревогу вызывает ослабление позиций атеистической идеологии и отношение к когорте населения, которая самоидентифицируется как «неверующие»: «при советской власти нельзя было признаться в том, что ты верующий, при нынешней – что атеист» (Кублицкая, 2009).

Иными словами, даже упрощенный анализ религиозности констатирует, что данное явление представляет определенную сложность при изучении по разным причинам: смысл, содержание, структурность и т.д. В качестве примера можно православие, где типы религиозности его последователей изучаются с использованием индикатора «воцерковленность как «добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение себе установленного в ней **образа жизни и образа мыслей**. При этом усвоение образа мыслей происходит параллельно и в тесной связи с усвоением образа жизни. Этот последний именно и является проводником устойчивого влияния Церкви на человека, позволяющего человеку со временем выработать себе новое отношение к миру и к себе самому» (Чеснокова, 2005). М.Ю. Смирнов придерживается точки зрения, что «сам термин (воцерковленность – Авт.) является рецепцией из церковно-православного лексикона от понятия "воцерковление", подразумевающего включенность православного верующего во все религиозные действия, обязательные для церковной жизни. Регулярное совершение таких действий необходимо как непереносимое условие достижения сотериологической цели христианства – спасения» (Смирнов, 2014).

Ряд отечественных исследователей отмечает, что социология религии в отечественной науке не является «теорией среднего уровня, обладающей научным весом, опирающейся на богатую традицию и научные школы, которые были бы способны достаточно полно исследовать религиозную жизнь общества» (Анурин, 2013). Однако с таким суждением в полной мере нельзя согласиться, потому что в отечественной (советской) науке проблема религиозного сознания и религиозного поведения, определение места религии в обществе были предметом исследования (может быть не всегда объективного с учетом господствовавшей идеологии) в русле научных разработок этнографов, философов, социологов и т.д. В частности, к ним можно отнести методологические разработки по изучению секуляризации населения Р.Г. Балтанова, Е. Дулумана, В.Д. Кобецкого, А.А. Лебедева, Б. Лобовика, В. Г. Пивоварова, В.А. Сапрыкина, В. Танчера, М.К. Теплякова, Д.М. Угриновича, И.Н. Яблокова и т.д., которые в той или иной степени затрагивали вопросы религиозности населения, активности/пассивности их культового поведения. Разумеется, в советской науке, следует оговорить общественной, ориентированной исключительно на марксистско-

ленинскую философию и атеистическое воспитание, наблюдалось ограничение поля исследования, отсутствие возможности для целенаправленного изучения специфики религиозного сознания и поведения советского человека.

Не вызывает сомнения тот факт, что в настоящее время формирование происходит при трансформации самого вероучения, которая приобретает статус «повседневной». Соответственно, изучение религиозной сферы учитывает существование данных тенденций, поэтому «"прежде всего, сама религия и ее институциональные формы, находясь под влиянием общественных трансформаций, качественно меняются", и другие социологи религии, принадлежащие к разным национальным социологическим школам, новые религиозные изменения пытаются осмыслить через призму преобразований самой религии. В условиях турбулентной современности религия становится все больше "поп-религией" (Х. Кноблаух), которую "актер может использовать" (П. Бурдые) в определенных целях и контекстах и играет больше "замещающую" роль (Г. Дэйви)» (Каргина, 2013).

Видное место в изучении религии принадлежит Э. Дюркгейму, по мнению которого, религия не представляет собой иллюзию, а является нечто вполне реальным. В соответствии с этим, задачу науки он видел не в том, чтобы противоборствовать с религией, а в пояснении ее социальных функций с аргументацией «все известные религиозные верования, будь они простые или сложные, содержат одну и ту же общую черту: они предполагают классификацию реальных или идеальных явлений, которые представляют себе люди, на два класса, два противоположных рода, обозначаемых – обычно двумя различными терминами и достаточно хорошо выражаемых словами: *светское* и *священное*. Разделение мира на две области, из которых одна включает в себя все, что священо, другая – все, что является светским, – такова отличительная черта религиозного мышления» (Мистика. Религия. Наука., 1998). Современные исследователи по-прежнему обращаются к идеям Э. Дюркгейма, считая, что религия «объединяет по таким принципам как верность общине и готовность жертвовать личными интересами ради общества. Кроме того, выживаемость религиозных (но не светских) общин напрямую зависит от строгости устава. Чем больше ограничений накладывала община на своих членов, и чем более сложные ритуалы им приходилось выполнять, тем дольше она существовала» (Лаговский, 2011).

Рассматривая религиозность как специфическое общественное явление, необходимо исходить из того, что «в основе всех систем верований и всех культов с необходимостью должно существовать некоторое число основных представлений и ритуальных установок, которые, несмотря на все возможное разнообразие принимаемых ими форм, везде имеют одно и то же объективное значение и выполняют одинаковые функции. Это постоянные элементы, образующие в религии то, что есть в ней вечного и человеческого; они составляют объективное содержание идеи, которую выражают, когда говорят о *религии* вообще» (Мистика. Религия. Наука., 1998).

В постсоветское время атеизм и атеистическое мировоззрение советского периода подмяли мощные процессы религиозного возрождения, тем самым актуализировав проблему религиозности и религиозного поведения и для повышения интереса к данному вопросу, причем для этого имелись существенные причины, среди которых ключевую роль выполняло религиозное духовенство, стремившееся поставить под полный контроль социальную жизнь индивида. Если обратиться к идеям К. Юнга, то он усмотрел основу религиозности, как стремление и поклонение чему-то высшему, в самой природе человека (Юнг, 2020); по мнению Э. Фромма, человек «нуждается в объекте почитания и преданности, подчинения и любви» и религиозность выступает как его (человека – Авт.) потребность определить смысл жизни,

стремление разрешить «вечные» истины в процессе своей жизненной самореализации (Фромм, 1998). По мысли П. Тиллиха, человек изначально религиозен, соответственно, как аспект человеческого духа религиозность присутствует во всех проявлениях культуры, указывая на «предельное, бесконечное и безусловное в человеческой духовной жизни» (Тиллих, 2015).

Анализ основных понятий показывает, что религия «подразумевает выделение особой сферы (формы) общественного сознания, особого типа социальных связей и институтов в рамках целостной социальной системы» (Угринович, 1985), при этом Д.М. Угринович понимает «религиозность» как «воздействие религии на сознание и поведение как отдельных индивидов, так и социальных и демографических групп», в содержательном плане рассматривая как «определенное состояние отдельных людей, групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему» (Угринович, 1985). По утверждению И.Н. Яблокова религиозность – это «социальное качество индивида и группы, выражающее в совокупности их религиозных свойств» (Яблоков, 1979); Р.А. Лопаткин считает, что религиозность есть «определенное состояние индивидов и человеческих общностей различного масштаба, отличительной чертой которого является вера в Бога (и сверхъестественное) и поклонение ему, их приверженность к религии и принятие ее вероучения и предписаний» (Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние), 1996). Измерение религиозности осуществляется с использованием комплекса критериев, ибо, «некоторые авторы считают, что о религиозности следует судить по наличию в сознании определенных религиозных идей (например, понятие о Боге). Другие придают первостепенное значение религиозным признакам поведения людей – отправлению религиозных обрядов и праздников, членству в религиозных группах и т.д.» (Яблоков, 1979).

В социологии религии распространение получили новые подходы и теории, целью которых является изучение религиозности, специфики ее проявления, структурных элементов, соответствия культовому поведению и т.д., в частности, теория депривации, используемая для исследования нетрадиционной религиозности и она подробно рассмотрена В.Б. Исаевой. Под феноменом нетрадиционной религиозности, следуя типологической классификации Р. Старка и У. Бэйнбриджа, подразумеваются три типа движений: а) схизматические (секты), б) культурная инновация (новые религиозные движения и культы, не имеющие исторических аналогов), в) культурный импорт (религии, традиционные для определенных территорий, перемещающиеся в неавтохтонные для них социокультурные ареалы). Религиозная конверсия обозначает процесс приобщения к одному из трех типов нетрадиционной религиозности (Исаева, 2019). По ее мнению, «несмотря на то что с 1970-х гг. на протяжении нескольких десятилетий депривационный подход в социологии религии переживает кризис, в настоящее время можно говорить о возрождении теоретических дебатов по проблеме его применимости для рассмотрения нетрадиционной религиозности. Среди социальных исследователей религии, как показывает анализ теоретической дискуссии, существует консенсус о значимости фактора депривации. Однако наблюдается расхождение мнений по вопросу характера лишений: если одни ученые связывают их со структурными и экономическими факторами, то другие объединяют эту теоретическую перспективу с культурными причинами» (Исаева, 2019). Не рассматривая подробно каждую из выделенных В.Б. Исаевой теорий (институциональная, рыночная, неотрадиционалистская, экзистенциальная), следует привести очень важные в русле теории депривации концепции К. Маркса и М. Вебера. Депривационное объяснение религии не является новым подходом в русле социологии религии,

ибо его базовые положения были разработаны К. Марксом и М. Вебером, которые рассматривали ее (религию – Авт.) в рамках теории классового неравенства и противоречий капиталистического общества XIX в. Идея К. Маркса о том, что религиозное страдание является выражением реального страдания и протестом против него, приобрела несколько радикальное звучание и проявилась в тенденции трактовать материальные лишения, как имеющие приоритетную роль для формирования религиозности. Религия отвечает потребностям самых обездоленных, находящихся внизу социальной иерархии и переживающих абсолютные лишения. М. Вебер, в противоположность марксистскому подходу объяснения религиозности, акцентировал внимание на культурной обусловленности депривации, следовательно, наиболее религиозным является не нижний класс, а нижний средний класс, поскольку верование, во-первых, возмещает лишения, во-вторых, оправдывает привилегированное положение. Таким образом, в рамках марксизма и в работах М. Вебера начала кристаллизоваться проблематика рассмотрения обусловленности лишений при анализе религиозности и наметились 2 ракурса такого анализа: а) структурный, акцентирующий материальные лишения и б) культурный, придающий значимость потребности в объяснении и легитимации при наличии привилегий.

Наиболее полную концепцию депривации сформулировал Ч. Глок в работе «Роль депривации в происхождении и эволюции религиозных групп», а также в совместной с Р. Старком монографии «Религия и общество в динамике». Депривацию Ч. Глок считает многосторонним явлением, которое выполняет важную роль в процессе становления типов религиозности, т.е. «состояние ущемленности, переживаемое индивидом или группой при сравнении с другими индивидами или группами или по отношению к некому набору представлений о том, какими ресурсами этот индивид или группа должны обладать, но не обладают» (Исаева, 2019).

В концепции деприватизации религии Х. Казановы «публичные религии занимают свое место во всех сферах политического пространства: 1) государства, как, например, государственная испанская католическая церковь, или национальная церковь Польши; 2) политического общества, когда религии, мобилизующие свои ресурсы в целях политической конкуренции, участвуют в политических партиях, общественных движениях, сопротивляются разделению церкви и государства и дифференциации светских сфер, выступают в защиту религиозной свободы (католическая церковь в коммунистической Польше) или в поддержку демократических режимов (католические церкви в Испании, Польше, Бразилии); 3) гражданского общества (когда религиозные группы участвуют в публичных движениях и дебатах различного свойства – против аборт, за мораль и т. д.)» (Руткевич, 2017).

Следует отметить, что уже с 70-х гг. XX в. депривационный подход изучения религиозности стал объектом критики по самым разным причинам: во-первых, несоответствие эмоционального переживания человека и идеологии конфессиональной общности. Переживание лишений не является важным параметром религиозной направленности человека, и теория не может объяснить, почему одни депривированные индивиды обращаются к религии, а другие нет. Во-вторых, религиозная принадлежность выступает как результат наличия ресурсов, а не их отсутствия: базовые потребности человека должны быть удовлетворены для того, чтобы он заинтересовался вопросами о смысле жизни или вовлекся в общественную активность, что опровергает популярный в дискуссии 1950 – 1960-х гг. марксистский тезис о преимущественно социально-экономической обусловленности депривации. В-третьих, само понятие депривации происходит из позитивистской парадигмы и таким образом акцентирует взаимосвязь процесса конверсии со структурными воздей-

ствиями, рассматривая потенциального неопфита как того, кто пассивно переживает состояние лишенности (Исаева, 2019).

Исследование религиозности предполагает выявление ее взаимосвязи с поведением человека, установление «адекватных характеристик религиозности, тесно связанных с качеством и интенсивностью социальной деятельности» (Ильясов, 1987), ибо «определение критериев религиозности представляет серьезную проблему как теоретического и методологического, так и практического характера, вокруг которой ведут ожесточенные дискуссии» (Лебедев, 2005). Если обратиться к истории изучения положения религии в нашем обществе, то еще в социалистический период отечественные исследователи пытались найти наиболее приемлемый метод изучения религиозности населения, который позволил бы объективно охарактеризовать состояние их религиозного сознания и специфику религиозного поведения: «для измерения религиозности применялся показатель "участие в религиозных обрядах", который представлял собой сумму индикаторов, отражающих отдельные элементы культового поведения. Другой показатель религиозности – "вера в сверхъестественное" – суммируется из индикаторов, отражающих веру индивида в Бога и в отдельные положения теологической доктрины» (Ильясов, 1987).

В отечественной социологии религии имеются и другие методы измерения религиозности: методика Д.М. Угриновича, включающая в себя 49 эмпирических параметров, корреляции которых выступают основанием для причисления человека к тому или иному типу религиозности (Угринович, 1985). Более упрощенную, по сравнению с методикой Д.М. Угриновича, подход предлагает Ф.Н. Ильясов, утверждая, что «более надежной и менее трудоемкой является процедура опроса, при которой необходимо задавать только 2 прямых вопроса: один измеряет признак "вера", другой – "отношение к религиозной (атеистической) деятельности". Иными словами, по горизонтали размещают значения показателя "участие в религиозной (атеистической) деятельности", по вертикали – "вера" и пересечение этих строк показывает определенные типы религиозности» (Ильясов, 1987).

При выделении типов и критериев религиозности важными следующие основания: «1) содержание и интенсивность религиозной веры; 2) интенсивность религиозного поведения и его место в общей системе деятельности человека; 3) роль индивида в религиозной группе; 4) степень активности в распространении религиозных взглядов; 5) место религиозных мотивов в структуре мотивации религиозного и нерелигиозного поведения» (Яблоков, 1979). На основе вышеприведенных положений И.Н. Яблоков дает следующую классификацию типов религиозности: «1. верующие, у которых определяющей жизненной ориентацией выступает религиозная ориентация; 2. верующие, у которых религиозная ориентация является важной, но не определяющей, а рядоположенной с другими; 3. верующие, у которых религиозная ориентация подчинена нерелигиозным; 4. колеблющиеся между верой и неверием» (Яблоков, 1979).

В концепции Н.П. Алексеева «одним из центральных вопросов методики конкретного изучения религиозных пережитков любой социальной группы является вопрос о критерии религиозности: кого считать верующим, по каким признакам его следует отличать от колеблющегося или неверующего?» (Алексеев, 1967) и далее «к сожалению, в советской социологической литературе не выработан общепринятый критерий религиозности. Одни исследователи считают верующими лишь членов религиозных обществ, активно участвующих в их религиозной жизни, другие к этой категории причисляют всех, кто в той или иной форме признает существование сверхъестественных сил, третьи, отыскивая критерий, принимают во внимание це-

льный комплекс представлений, чувств и обрядов и конструируют сложную, многоступенчатую систему оценок религиозности» (Алексеев, 1967). Кроме того, Н.П. Алексеев подчеркивает, что эмоциональная сфера человека как «сознательного существа» наряду с действиями, в том числе и религиозного характера, управляются «через систему взглядов, через мировоззрение» (Алексеев, 1967). Следовательно, с учетом данного фактора критерий религиозности следует искать в сфере мировоззрения и религиозных понятиях определяющих, систематизирующих и направляющих религиозные чувства и религиозный культ и таковым является «понятие о Боге как о высшей сверхъестественной силе, сотворившей Вселенную и человека и господствующей над ними» (Алексеев, 1967). Таким образом, Н.П. Алексеев критерием религиозности считает веру в существование Бога, а все остальные признаки религиозности – участие в богослужениях, отправление различных обрядов, которые нередко берутся за основу суждений о религиозной принадлежности, по его утверждению, являются второстепенными. Общеизвестно, что неверующие люди участвуют в религиозных обрядах; с другой стороны, есть верующие, не участвующие в религиозных обрядах по принципиальным соображениям или не посещающие богослужения в храмах по состоянию здоровья, занятости, удаленности храмов от места жительства и по другим причинам. Это не значит, что второстепенные признаки религиозности должны игнорироваться в социологическом исследовании. Учет их необходим, так как они служат дополнением и уточнением действительного отношения человека к религии (Алексеев, 1967).

Н.П. Алексеев сформулировал классификацию типов, охватывающих религиозных людей от активных и последовательных верующих до активных атеистов (см. табл. № 1).

Таблица 1.

Основные мировоззренческие группы

Верующие		Колеблущиеся	Неверующие	
Активные	Пассивные		Активные	Пассивные
Последовательные				
Непоследовательные				

Аналогичную Н.П. Алексееву типологию предложил А.А. Лебедев: на одном полюсе располагаются убежденные верующие, ведущие религиозную пропаганду, а на другом – убежденные атеисты (Лебедев, 1970). Отличие всех этих типологий состоит в том, что они «не допускают даже возможности возникновения новых типов религиозности, не укладывающихся в традиционные представления. Главный признак религии – вера в Бога или в сверхъестественное (сюда добавляется еще целый перечень сугубо христианских идей), а главные признаки религиозности – религиозное сознание и религиозное поведение, подразумевающее аккуратное исполнение всех предписанных (в традиционном христианстве) действий» (Узланер, 2010).

По мнению И.Г. Дубова, проблема осложняется отсутствием возможности для сравнительной и достоверной оценки динамики уровня религиозности с советским периодом, потому что, проводившиеся в 80-х гг. XX в. немногочисленные социологические исследования были «методологически заданными и, главное, имели исключительно региональный характер (Алексеев 1967; Морозов, Лисавцев 1970; Кобецкий 1978; Базарбаев 1980; Гуров 1980; Степанов 1987)» (Дубов, 2020). Однако, в настоящее время «большинство социологических исследований по рассматриваемой тематике посвящено главным образом формальной стороне веры (принадлежность к определенной конфессии, отправление обрядов, выполнение религиозных норм и

пр.), а также устойчивости взглядов верующих, соотношение среди них колеблющихся и ортодоксов... между тем в России религиозность людей, называющих себя верующими, часто весьма поверхностна и сводится лишь к принятию соответствующей символики и соблюдению формальных требований» (Дубов, 2020).

В рамках изучения религии, религиозного сознания и поведения российские исследователи уделяют внимание выявлению индикаторов соответствия религиозным требованиям, на основании которых человека можно считать принадлежащим определенной конфессии. Таковым является проведенный Фондом «Общественное мнение» (1992 г.) с применением «индекса воцерковленности» (В-индекс) социологическое исследование религиозности россиян. Автором метода «В-индекс» является В.Ф. Чеснокова, которая опираясь на религиозные каноны Русской Православной церкви, за его основу (В-индекс – Авт.) взяла следующие параметры: 1. частота посещения храма; 2. частота причащения; 3. регулярность чтения текстов Священного Писания; 4. форма молитвы; 5. Пост (Чеснокова, 2005). Ю.Ю. Синелина «В-индекс» адаптировала для изучения религиозности мусульман, включив в его структуру регулярность посещения мечети, соблюдения постов, чтения религиозных текстов, молитв.

По мнению Е.А. Кублицкой, «1. Показатель "самооценки" "заработал" у верующих, поскольку нет причин скрывать свои убеждения. В то же время он оказался недостоверным при определении нерелигиозности населения. Так часть неверующих респондентов или идентифицирует себя с "колеблющимися", или уходит от ответа. Если в период "застоя" показатель самоидентификации по отношению к религии и атеизму занижал уровень религиозности и завышал степень распространения секуляризации в обществе, то в постсоветский период – завышает уровень религиозности с занижением уровня и степени атеистичности населения. Далее при определении религиозности на базе самоидентификации, исследователи включали одновременно и веру в Бога, и отношение к религии, и даже конфессиональную самоидентификацию, предложив респонденту дать лишь один ответ. 2. Методологический принцип, характеризующий развитие или стагнацию секуляризации общества – дихотомическое деление населения на религиозное и нерелигиозное на основании наличия/отсутствия веры в существование сверхъестественных сил» (Кублицкая, 2009). 3. В настоящее время «типичной чертой мировоззрения «колеблющегося» является «незавершенность» религиозного выбора. «Промежуточное состояние» религиозного сознания характеризуется мировоззренческой неопределенностью в оценке религиозной веры и своего к ней отношения. Подобная мировоззренческая маргинальность повышает ее восприимчивость к миссионерской и прозелитской деятельности многих религиозных течений. 4. Для анализа влияния мировоззренческих позиций на социальные ориентации личности достаточно использовать типологию: верующие (с выделением в ней группы воцерковленных верующих); колеблющиеся между верой и неверием; неверующие (с выделением в ней группы атеистов). 5. Принцип необходимого сочетания показателей, характеризующих религиозное поведение индивида, при измерении степени религиозности остается неизменным. Однако традиционное культовое поведение (составная часть религиозного) претерпело множество изменений и в последние годы не всегда рассматривалось в качестве имманентной характеристики религиозности» (Кублицкая, 1990).

Выводы Е.А. Кублицкой разделяет В.Ф. Анурин с аргументацией, что «реальную приверженность к религии – религиозность – следует определять по характеру различных форм религиозного поведения человека» (Анурин, 2013), поэтому индикаторами измерения культового поведения выступают: 1. молятся; 2. следуют рели-

гиозным заповедям; 3. посещают религиозные службы в храме; 4. читают священные книги; 5. причащаются; 6. исповедуются; 7. соблюдают установленные посты.

Не менее важным в процессе исследования религиозности населения представляется установление критериев принадлежности к определенной религиозной группе и таковыми считают, во-первых, **этнический принцип**, суть которого заключается в обозначении определенного вероисповедания национальной религией той или иной этнической общности (православие для русского народа, ислам для дагестанских народов, иудаизм для евреев и т.д.); во-вторых, **культурная религиозность** – отождествление человеком себя с конкретной религией, даже, если он не придерживается ее предписаний, основных положений и не соблюдает соответствующее конкретному вероучению культовое поведение. Иными словами, «сам факт утверждения принадлежности к определенному религиозному течению важен для мировоззрения, нравственной, культурной и политической ориентации гражданина. Соответствующая религия имеет для человека, называющего себя православным, мусульманином или лютеранином, особую, по сравнению с другими религиями, ценность» (Филатов, 2005). В научном сообществе критически относятся к исследованиям, которые за основу религиозности берут самоидентификацию человека с определенным вероучением независимо от его отношения к вере (верующий/неверующий) и активности культового поведения. В.Ф. Чеснокова полемизирует с исследователями, придерживающимися позиции, что православное есть всего лишь самоназвание, с аргументацией, что «никто не в праве ставить под сомнение ответ человека, признающего себя верующим, – поскольку вера, то есть отношения человека с Богом, это весьма сложный и деликатный феномен, проверить который невозможно современными научными средствами» (Чеснокова, 2005).

Несмотря на наличие огромного научного пласта в области изучения религиозности и религиозного поведения россиян, в среде отечественных религиоведов, впрочем, как и социологов, серьезные нарекания вызывает методика исследования религиозности – «В-индекс». Если одни социологи в своих исследованиях религиозности широко его применяют (М.С. Алексеева, О.А. Богатова, в модифицированном виде Ю.Ю. Синелина), то другие с качественной и количественной позиций критикуют: «В-индекс в его "классическом" варианте инвалиден и основные причины кроются..., во-первых, в крайне слабом присутствии вопросов о религиозном сознании, в то время как в данном контексте очень важен для оценки религиозного поведения как индикатора воцерковленности или же суеверности респондента. Во-вторых, нелогичность многих имеющихся шкал, не соответствующих кумулятивному принципу, морфологическому подходу и правилам комбинаторики; кроме того, объем измеряемого феномена по некоторым шкалам не совпадает с объемом, который предполагается измерить в тексте вопроса. В-третьих, алгоритм обработки эмпирических данных существенно искажает картину воцерковленности в сторону ее повышения» (Лебедев, 2013).

По мнению К.С. Дивисенко, «критерием религиозности может служить экспансия религиозного жизненного мира в иную конечную область смысла, а именно в повседневность» (Дивисенко, 2011).

Ранее было отмечено, что при описании религиозной идентичности важным является выраженность религиозности. При этом в науке имеются разногласия в определении не только методики измерения религиозности, но и понимания сути религиозной идентичности. Например, совершенно иной подход к пониманию религиозной идентичности, религиозных отношений демонстрирует А.С. Ваторопин, утверждающий, что «для анализа основных тенденций развития религиозной сферы

может быть использован новый комплексный социологический метод, интегрирующий 2 социальные парадигмы: модернистскую и постмодернистскую, которые репрезентируются в религиозной сфере 2 парадигмальными понятиями – религиозным модернизмом и религиозным постмодернизмом. Религиозный модернизм подразумевает взаимодействие между религией как духовно-социальной подсистемой и модернизируемой социальной системой в целом и представлен двумя противоположными позициями, которые могут занимать религии в отношении социальной модернизации: промодернистской и контрмодернистской. Религиозный постмодернизм, в свою очередь, конституирует деконструкцию религии как духовно-социальной подсистемы общества, а также ее интегрирующих социальных функций. При этом обе парадигмы генетически связаны» (Ваторопин, 2001).

Таким образом, анализ существующих в рамках современной социологии религии концептов и подходов в исследовании религиозной сферы, в частности, религиозности, ее типов, специфики культового поведения населения, определения критериев отнесения индивида к подгруппам верующий/ неверующий и т.д. свидетельствует, что в научном сообществе происходят бурные дискуссии при 1. определении критериев измерения уровня и степени религиозности человека; 2. классификации когорты верующие и неверующие; 3. установлении численности последователей определенного вероисповедания, и, к сожалению, общепринятой методики, позволяющей получить ответы на поставленные вопросы в научных кругах еще не выработан. Сложность заключается в существовании несогласованности между двумя ключевыми параметрами – самоидентификация (верующий/неверующий) и культовое поведение, как обозначение своего отношения в вере и интенсивности следования религиозным практикам.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна *Shakhbanova Madina Magomedkamilovna*

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник

Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher

Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

E-mail: madina2405@mail.ru

E-mail: madina2405@mail.ru

Литература

1. Алексеев Н.П. Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области) // Вопросы научного атеизма. М.: Мысль, 1967. Вып. 3. С. 131-150.
2. Ануринов В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 135-146.
3. Богатова О.А. Религиозная идентичность и религиозные практики в Мордовии // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 114-122.
4. Ваторопин А.С. Религиозный модернизм и постмодернизм // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 84-92.
5. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Отв ред. Ф.Г. Овсиенко, М.И. Одинцов, Н.А. Трофимчук. М.: Изд-во РАГС, 1996. 257 с.
6. Дивисенко К.С. Религиозность в структуре жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 84-100
7. Дубов И.Г. Уровень религиозности и влияние религиозных установок на отношение россиян к политическим лидерам // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Dubov_2001_2.pdf
8. Ильясов Ф.Н. Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. 1987. № 3. С. 50-55.
9. Исаева В.Б. Теория депривации как инструмент изучения нетрадиционной религиозности

// Социологические исследования. 2019. № 9. С. 31-50.

10. Каргина И.Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 108-115.

11. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95-103.

12. Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 97-107.

13. Лаговский В. На земле наступает безбожная эра? // Комсомольская правда. 2 апреля 2011 г.

14. Лебедев А.А. Секуляризация населения социалистического города // К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества) / Отв. ред. П.К. Курочкин. М.: Мысль, 1970. 278 с.

15. Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153-158.

16. Лебедев С.Д., Сухоруков В.В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 118-126.

17. Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. 432 с.

18. Русский коммунизм глазами христианского теолога // Наука и религия. 2013. № 11. С. 5-6.

19. Руткевич Е.Д. Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии // Вестник Института социологии. 2017. Том 8. № 1. С. 132-161.

20. Смирнов М.Ю. Религиозная социология и социология религии // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 136-142.

21. Тиллих П. Избранное. Теология культуры / Пер. с англ. и сост. С.Я. Левит, С.В. Лезов. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 479 с.

22. Узринович Д.М. Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1985. 127 с.

23. Узланер Д.А. Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 62-69.

24. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35-46.

25. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. 672 с.

26. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 304 с.

27. Юнг К.Г. Психология и религия. Избранные работы / Пер. и сост. А.М. Руткевича. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 287 с.

28. Яблоков И.Н. Социология религии. М.: Мысль, 1979. 182 с.

References

1. Alekseev N.P. Methods and results of studying the religiosity of the rural population (based on the materials of the Orel region) // Questions of scientific atheism. М.: Mysl', 1967. 3. P. 131-150.

2. Anurin V.F. Religion as a factor of social integration // Sociological research. 2013. № 1. P. 135-146.

3. Bogatova O.A. Religious identity and religious practices in Mordovia // Sociological research. 2011. № 8. P. 114-122.

4. Vatoropin A.S. Religious modernism and postmodernism // Sociological research. 2001. № 11. P. 84-92.

5. State-church relations in Russia (past experience and modern condition / Otv red. F.G. Ovsienko, M.I. Odincov, N.A. Trofimchuk. М.: Izd-vo RAGS, 1996. 257 p.

6. Divisenko K.S. Religiosity in structure of life world // Sociological journal. 2011. № 4. P. 84-100

7. Dubov I.G. Level of religiosity and influence of religious beliefs on attitude of Russians to political leaders // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Dubov_2001_2.pdf. № 3. P. 50-55.

8. Isaeva V.B. Theory of deprivation as instrument of research of nontraditional religiosity // Sociological research. 2019. № 9. S. 31-50.

9. Kargina I.G. Key trends in study modern reflections of religiosity // Sociological research. 2013. № 6. P. 108-115.

10. Kublickaya E.A. Traditional and nontraditional religiosity: experience of sociological study // Sociological research. 1990. № 5. P. 95-103.

11. Kublickaya E.A. Specifics of religiosity in modern Russia // Sociological research. 2009. № 4. P. 97-107.

12. Lagovskij V. No faith era came to the world // Komsomolskaya pravda. 2 aprelya 2011.
13. Lebedev A.A. Secularization of people of socialist city // To the society free from religion (Process of secularization in conditions of socialist society] / Otv. red. P.K. Kurochkin. M.: Mysl', 1970. 278 p.
14. Lebedev S.D. Religiosity: looking forward "rubikon" // Sociological journal. 2005. № 3. P. 153-158.
15. Lebedev S.D., Suhorukov V.V. Thin path is wrong way // Sociological research. 2013. № 1. P. 118-126.
16. Mystics. Religion.Science.Classics of world religion science. Anthology / Per. s angl., nem., fr. Sost. i obshch. red. A.N. Krasnikova. M.: Kanon+, 1998. 432 p.
17. Russian communism by eyes of Christian theology scientist // Science and religion. 2013. № 11. P. 5-6.
18. Rutkevich E.D. Religion in global area: approaches, defenitions, problems in west sociology // Bulletin of Institute of Sociology. 2017. Tom 8. № 1. P. 132-161.
19. Smirnov M.Yu. Religious sociology and sociology of religion // Sociological research. 2014. № 8. P. 136-142.
20. Tillih P. The best works. Theology of culture. / Per. s angl. i sost. S.YA. Levit, S.V. Lezov. SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. 479 p.
21. Ugrinovich D.M. Introduction to religion science. M.: Mysl', 1985. 127 p.
22. Uzlaner D.A. Soviet model of secularization // Sociological researches. 2010. № 6. P. 62-69.
23. Filatov S.B., Lunkin R.N. Statistic of Russian religiosity: magic of figures and unambiguous reality // Sociological research 2005. № 6. P. 35-46.
24. Fromm E. Anatomy of human distraction / Per. s nem. E.M. Telyatnikovoj. M.: OOO «Izdatel'stvo AST-LTD», 1998. 672 p.
25. Chesnokova V.F. Thin path: process of church orientation of people of Russia in the end of XX century. M.: Akademicheskij Proekt, 2005. 304 p.
26. Yung K.G. Psychology and religion. The best works / Per. i sost. A.M. Rutkevicha. SPb.: Izd-vo RHGA, 2014. 287 p.
27. Yablokov I.N. Sociology of religion. M.: Mysl', 1979. 182 p.

Поступила в редакцию

20 января 2020 г.

УДК 94(37).08

**Многофакторная математико-статистическая модель процесса труда
в образовательных системах****А.Н. Аликариева***Национальный университет Узбекистана,
г. Ташкент, Узбекистан*

Аннотация. Использование методов множественной корреляции позволяет в конкретных условиях определить факторы, наиболее значимые для успеваемости студентов по отдельному предмету, и получить количественную характеристику этой значимости. Представленная многофакторная модель успеваемости студентов в какой-то степени определяет уровень производительности труда профессорско-преподавательского состава вузов. Экономико-социологическая интерпретация этой модели позволит разработать ряд конкретных мероприятий, направленных на улучшение учебно-воспитательной работы в вузах. Автором сделана попытка количественной оценки факторов – социально-экономических, социально-политических, анатомо-биологических, влияющих на качество образования.

Ключевые слова: студент; успеваемость; образование; преподаватели; эффективность труда; факторы; объект исследования; моделирование; корреляционно-регрессионный анализ; дисперсия; однофакторный дисперсионный анализ; двусторонний дисперсионный анализ.

Для цитирования: Аликариева А.Н. Многофакторная математико-статистическая модель процесса труда в образовательных системах // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. №1. С. 42–47.

**Multivariate mathematical and statistical model of the labor process
in educational systems****Alohon N. Alikarieva***National University of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The use of multiple correlation methods makes it possible to determine the factors that are most significant for students' academic performance in a particular subject in specific conditions, and to obtain a quantitative characteristic of this significance. The presented multi-factor model of student performance to some extent determines the level of labor productivity of the faculty of higher education institutions. The economic and sociological interpretation of this model will allow us to develop a number of specific measures aimed at improving the educational work in higher education institutions. The author attempts to quantify the factors – socio-economic, socio-political, and anatomic-biological-that affect the quality of education.

Keywords: student; academic performance; education; teachers; labor efficiency; factors; object of research; modeling; correlation and regression analysis; variance; one-factor analysis of variance; two-way analysis of variance.

For citation: Alikarieva A. N. Multivariate mathematical and statistical model of the labor process in educational systems // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol. 3. №1. P. 42–47.

Описание с помощью аналитических многофакторных моделей структуры социального процесса можно осуществить, исходя из двух методологических положений. Первое из них связано с сущностным анализом процесса, второе — с феноменологическим подходом к решению данной задачи. Первое положение предполагает знание не только существования и форм проявления взаимодействия между определенными социальными факторами, но и самой природы этого взаимодействия. Очевидно, здесь идет речь о моделировании социальных процессов на основе наиболее полного знания их сущности. Используя философскую терминологию, можно сказать, что в этом случае модели создаются на базе изучения динамических закономерностей, т.е. закономерностей, отражающих чаще всего глубинные, сущностные взаимодействия между небольшим числом факторов (*Шляпентох, 2006*).

В отличие от однофакторного эксперимента, одновременное варьирование многими факторами позволяет дать количественную оценку не только влияния каждого фактора на выходной показатель, но и их взаимного влияния. Результаты многофакторного эксперимента представляют в виде многофакторной модели, которая может быть использована для анализа факторов по степени и направлению их влияния, для направленной оптимизации исследуемого объекта (*Библиофонд*).

Многофакторный корреляционный и регрессионный анализ позволяет оценить меру влияния на исследуемый результативный показатель каждого из включенных в модель (уравнение) факторов при фиксированном положении (на среднем уровне) остальных факторов, а также при любых возможных сочетаниях факторов с определенной степенью точности найти теоретическое значение этого показателя (важным условием является отсутствие между факторами функциональной связи). Различия в единицах измерения факторов устраняют с помощью частных коэффициентов эластичности, которые показывают, на сколько процентов в среднем изменяется анализируемый показатель с изменением на 1 % каждого фактора при фиксированном положении других факторов (*Каштаева, 2020*).

В качестве недостатка, возможно говорить о невозможности выделить те выборки, которые отличаются от других. Для этой цели необходимо использовать метод Шеффе или проводить парные сравнения выборок. Многофакторный дисперсионный анализ, помимо функций однофакторного дисперсионного анализа, оценивает межфакторное взаимодействие (*Шеффе, 1980*).

Дисперсионный двухфакторный анализ применяется в тех случаях, когда исследуется одновременное действие двух факторов на различные выборки объектов, то есть, когда различные выборки оказываются под воздействием различных сочетаний двух факторов. Может случиться, что одна переменная значимо действует на изучаемый признак только при определенных значениях другой переменной. Суть метода остается прежней, как и при однофакторной модели, но в двухфакторной дисперсионном анализе можно проверить большее количество гипотез (*Богданова, 2015*).

Очевидно, что повышение качества образования в образовательных системах является важным условием дальнейшего роста производительности общественного труда.

Сделаем попытку количественной оценки факторов – социально-экономических, социально-политических, анотомио-биологических, влияющих на качество образования.

Успеваемость студентов зависит от целого ряда факторов. В качестве показателя функции $\bar{Y}$ возьмем успеваемость студентов вузов, выраженную в пятибалльной системе и в процентах. Аргументами x_i будут факторы, влияющие на успеваемость студентов.

Математически эту задачу сформулируем в виде

$$\bar{Y} = F(x_1, x_2, \dots, x_n),$$

Экономико-математическую модель –

$$\bar{Y} = a_0 + \sum_{i=1}^n a_i x_i,$$

где $\bar{Y}$ – средний показатель функции (успеваемость студентов по отдельной дисциплине) в процентах, x – факторы-аргументы ($i = 1 - n$):

- x_1 – возраст преподавателя, лет;
- x_2 – педагогическая нагрузка преподавателя (недельная), ч.;
- x_3 – общий трудовой стаж, лет;
- x_4 – общий педагогический стаж, лет;
- x_5 – образование преподавателя, балл;
- x_6 – количество групп;
- x_7 – количество студентов в группах, чел.;
- x_8 – количество членов семьи преподавателя, чел.;
- x_9 – количество детей в семье преподавателя, чел.;
- x_{10} – средний ежемесячный доход каждого члена семьи преподавателя;
- x_{11} – жилая площадь на каждого члена семьи преподавателя, м²;
- x_{12} – личное подсобное хозяйство преподавателя, м²;
- x_{13} – количество книг в личной библиотеке преподавателя;
- x_{14} – время, затраченное на работу, мин.;
- x_{15} – время, затраченное на дорогу, мин.;
- x_{16} – время для домашнего труда и удовлетворения бытовых потребностей, мин.;
- x_{17} – нерабочее время, затраченное на повышение квалификации, мин.;
- x_{18} – прочие затраты нерабочего времени, мин.

Информация по показателю функции и факторам-аргументам собирается с помощью анкетного опроса в вузах. На основе этих данных разработана многофакторная математико-статистическая модель, в которой участвовали все 18 факторов. Однако, эта модель оказалась очень громоздкой, в нее вошли факторы с незначительным влиянием. Поэтому из модели решено было исключить такие факторы, как общий трудовой стаж, образование, количество детей в семье и др. после этого была создана новая модель всего с девятью факторами $x_1, x_2, \dots, x_9$.

В результате расчетов на компьютере были получены такие важные статистические показатели, как среднеарифметическое значение показателей x_i , среднеквадратические отклонения σ_i , коэффициенты вариации γ_i (табл. №1).

Таблица №1

Значения коэффициента вариации

	x_i	σ_i	γ_i
Y	0,96	0,04	4,34
x_1	38,54	11,67	30,29
x_2	32,30	6,81	30,55
x_3	15,28	10,42	61,63
x_4	3,21	1,49	45,46
x_5	6,57	2,86	43,52
x_6	37,97	21,33	56,16
x_7	7,61	5,72	75,07

x_8	247,65	187,26	71,55
x_9	287,84	254,64	88,10

Анализ приведенных данных показал большую изменчивость изучаемых рядов распределения. Наименьшее среднеквадратическое отклонение имеет показатель успеваемости ($\sigma_y = 0,04$) и соответственно наименьшим оказался и коэффициент вариации ($v_y = 4,34\%$), дальше идут возраст преподавателя ($\sigma_{x_1} = 11,67$; $v_{x_1} = 30,29\%$) и педагогическая нагрузка ($\sigma_{x_2} = 6,81$; $v_{x_2} = 30,55\%$).

Следовательно, можно утверждать, что информация по этим факторам более однородна, что положительно влияет на достоверность получаемых результатов. Однако, вариация других факторов оказалась высокой, поэтому ряды распределения неоднородны.

Коэффициенты парной и частной корреляции показывают, что все учитываемые факторы заметно влияют на успеваемость студентов (табл.№2).

Таблица №2

Парные и частные коэффициенты корреляции

	r_j	r_i
Y	1	1
x_1	0,0569	0,3335
x_2	-0,3574	-0,4617
x_3	0,0007	0,3668
x_4	-0,3282	-0,3316
x_5	-0,0685	-0,0745
x_6	0,1146	0,1317
x_7	0,0155	0,3016
x_8	-0,5681	0,5395
x_9	0,0687	0,5392

В результате расчета был получен коэффициент множественной корреляции R , представляющий собой меру совокупного действия всех учтенных факторов на успеваемость студентов по отдельным дисциплинам. Он равен 0,7549. Это означает, что учитываемые факторы определяют величину показателя успеваемости студентов примерно на 50%, так как коэффициент детерминации R^2 равен 0,57007.

Анализ парных зависимостей на основе численных значений коэффициентов парной корреляции позволяет, определив тесноту связи между функцией (успеваемость студентов по отдельным дисциплинам) и каждым отдельно взятым аргументом (фактором), сделать вывод о том, что успеваемость студентов наиболее тесно связана с такими стохастически влияющими на нее факторами, как возраст преподавателей (x_1), педагогическая нагрузка каждого преподавателя (x_2), общий педагогический стаж (x_3), количество групп (x_4), жилая площадь (x_5), средний ежемесячный доход (x_6), средняя заработная плата (x_7), личное подсобное хозяйство каждого преподавателя (x_8), количество книг в личной библиотеке преподавателя (x_9).

Связь между успеваемостью студентов и каждым из девяти факторов характеризуется коэффициентами частной корреляции. Этот коэффициент для успеваемости студентов и возраста преподавателя (x_1), например, равен 0,3335. Его изменение объясняется тем, что показатель возраста преподавателя очень тесно связан с другими факторами, входящими в модель.

Коэффициент частной корреляции между педагогической нагрузкой и успеваемостью студентов оказался равным 0,4617. Значит, эти показатели взаимосвязаны теснее, чем успеваемость студентов и возраст преподавателей. Отсюда возникает вопрос: какой из двух факторов должен быть включен в окончательную модель?

Значительна связь между успеваемостью студентов и общим педагогическим стажем преподавателей – 0,3668; гораздо слабее она между среднемесячным доходом преподавателей и успеваемостью студентов – 0,1317.

Наибольшая величина коэффициента частной корреляции – между успеваемостью студентов и размером подсобного хозяйства преподавателей – 0,5395. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи указанных факторов. Существенным оказалось и влияние количества групп (– 0,3316). Поэтому оба эти фактора следует включать в окончательную корреляционную модель успеваемости студентов. Остальные факторы, как видно из приведенных коэффициентов частной корреляции, оказывают на нее значительно меньшее влияние. Такой глубокий анализ частных связей имеет большое значение для постановки задачи. При этом прежде всего выявляется группа самых существенных аргументов, в основном определяющих функцию. В нашем случае наиболее влияющими на успеваемость студентов факторами оказались педагогическая нагрузка, общий педагогический стаж, личное подсобное хозяйство и количество личных книг в библиотеке преподавателей.

Общая модель успеваемости студентов (производительности труда) в стандартизованном масштабе с участием девяти факторов имеет вид:

$$t_{1,2,\dots,10} = 0,6638 t_2 - 0,4101 t_3 + 0,7298 t_4 - 0,2546 t_5 - 0,0696 t_6 + 0,1111 t_7 + 0,2571 t_8 - 0,5389 t_9 + 0,1122 t_{10}.$$

Модель показывает, что с увеличением возраста преподавателей на величину среднеквадратического σ_{x_1} успеваемость студентов может повышаться на $0,663$ среднеквадратического отклонения σ_y . Уменьшение педагогической нагрузки преподавателей на σ_{x_2} вызывает повышение успеваемости студентов на $0,410\sigma_y$. Изменение средней заработной платы профессорско-преподавательского состава на σ_{x_7} повлечет за собой изменение успеваемости на $0,111\sigma_y$.

Наконец, изменение личного подсобного хозяйства и книжного фонда преподавателей на σ_{x_9} , $\sigma_{x_{10}}$ приводит к изменению производительности умственного труда на $0,538\sigma_y$ и $0,112\sigma_y$ соответственно.

В результате решения было получено уравнение, характеризующее успеваемость студентов в вузах в натуральном масштабе:

$$\bar{Y} = 0,9422 + 0,0032 x_1 - 0,0027 x_2 + 0,0029 x_3 - 0,0030 x_4 + 0,008 x_5 - 0,0002 x_6 + 0,0024 x_7 - 0,00001 x_8 + 0,0031 x_9.$$

С изменением указанных факторов на единицу (при элиминировании значений других составляющих факторов) успеваемость меняется на соответствующий коэффициент. Модель подтверждает также, что чрезмерное увеличение педагогической нагрузки отрицательно влияет на успеваемость студентов. С увеличением количества групп и площади личного подсобного хозяйства успеваемость студентов соответственно понижается.

Для оценки адекватности модели рассчитаны теоретические уровни успеваемости студентов по отдельной дисциплине, т.е. значения функции при заданных факторах-аргументах.

Полученная модель достаточно описывает изучаемый процесс, т.е. коэффициент аппроксимации ξ не превышает 15%, что вполне допустимо для практических расчетов. Проверка показала, что в большинстве случаев коэффициенты корреляции отвечают требованию критерия надежности.

Таким образом, использование методов множественной корреляции позволяет в конкретных условиях определить факторы, наиболее значимые для успеваемости студентов по отдельному предмету, и получить количественную характеристику этой значимости.

Представленная многофакторная модель успеваемости студентов в какой-то степени определяет уровень производительности труда профессорско-преподавательского состава вузов. Экономико-социологическая интерпретация этой модели позволит разработать ряд конкретных мероприятий, направленных на улучшение учебно-воспитательной работы в вузах.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Аликареева Аълохон Нуриддиновна
Кандидат социологических наук, Национальный университет Узбекистана
E-mail: alohon@mail.ru

Alikarieva Alohon Nuriddinova
Candidate of Sociological Sciences,
National University of Uzbekistan
E-mail: alohon@mail.ru

Литература

1. Богданова М.Г., Старожилова О.В. Теория вероятностей и математическая статистика // Учебное пособие (Часть 2. Регрессионный анализ, дисперсионный анализ). Самара: ИНУТПГУТИ, 2015. 44 с.
2. Каштаева С.В. Математическое моделирование/Учебное пособие. «Пермский аграрно-технологический университет имени академика Д.Н.Прянишникова». Пермь: ИПЦ «Прокрость», 2020. 112 с.
3. Шеффе Г. Дисперсионный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1980. 512 с.
4. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: ЦСП, 2006. 664 с.
5. Библиофонд. Режим доступа: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=706630/>

References

1. Bogdanova M.G., Starozhilova O.V. Teoriya veroyatnostey i matematicheskaya statistika (Probability theory and mathematical statistics) // Uchebnoye posobiye (Chast' 2. Regressionnyy analiz, dispersionnyy analiz) (Tutorial (Part 2. Regression analysis, analysis of variance)). Samara: INUTPGUTI, 2015. 144 p.
2. Kashtayeva S.V. Matematicheskoye modelirovaniye (Mathematical modeling)/Uchebnoye posobiye. «Permskiy agrarno-tekhnologicheskiy universitet imeni akademika D.N.Pryanishnikova». – Perm' : IPTS «Prokrost'», 2020. 112 p.
3. Sheffe G. Dispersionnyy analiz (Dispersion analysis). 2-ye izd., pererab. i dop (2 nd edition, revised and supplemented). M.: Science, 1980. 512 p.
4. Shlyapentokh V.E. Problemy kachestva sotsiologicheskoy informatsii: dostovernost', reprezentativnost', prognosticheskiy potentsial (Problems of the quality of sociological information: reliability, representativeness, predictive potential.). M.: TSSP, 2006. 664 p.
5. Bibliofond. Available at: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=706630/>

Поступила в редакцию

12 февраля 2020 г.

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ПРОЦЕССЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

УДК 316.346.32-053.6

**Методологические основы изучения
доступности массового спорта для молодежи**

А.А. Болозин

*Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия*

Аннотация. Статья посвящена разработке методологических оснований изучения доступности массового спорта для российской молодежи в возрасте 21-30 лет. В качестве базовой методологической платформы избрана концепция виталистской социологии. Основным выводом, сделанным автором, состоит в том, что ограничение доступа различных слоев населения к необходимым благам (включая массовый спорт) приводит к снижению уровня жизненных сил современной молодежи, что отрицательно сказывается на общем тоне и качестве жизни.

Ключевые слова: спорт, массовый спорт, доступность массового спорта, витализм, здоровье, молодежь.

Для цитирования: Болозин А.А. Методологические основы доступности массового спорта для молодежи // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. №1. С. 50–54.

**Methodological foundations for studying the accessibility
of mass sports for young people**

Andrey A. Bolozin

*Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia*

Abstract. The article is devoted to the development of methodological bases for studying the accessibility of mass sports for Russian youth aged 21-30 years. The concept of vitalist sociology is chosen as the basic methodological platform. The main conclusion made by the author is that the restriction of access of various segments of the population to the necessary benefits (including mass sports) leads to a decrease in the level of vitality of modern youth, which negatively affects the overall tone and quality of life.

Keywords: sports, mass sports, accessibility of mass sports, vitalism, health, youth.

For citation: Bolozin A.A. Methodological bases of accessibility of mass sports for youth // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol. 3. №1. P. 50–54.

Разрушение в России системы массового спорта в 1990-е гг. привело к тому, что спорт стал недоступным для большинства молодых людей. Недостаточное развитие материально-технической базы, предназначенной для нужд массового спорта в отдельных регионах, и формирование альтернативной спорту системы ценностей не позволяют обеспечить необходимый уровень вовлеченности молодежи в регулярные занятия массовым спортом, а устаревшая система спортивной подготовки отражается на общем качестве тренировочного процесса. Спортивная подготовка, выстроенная по принципу доминирования результата, актуализировала на сегодняшний день проблемы коммерциализации и профессионализации массового спорта. Эти причины во многом обусловили ограничения в доступности массового спорта (невозможность получать дальнейшую спортивную подготовку при отсутствии результата и финансовых возможностей). Вследствие сказанного сегодня в России заниматься спортом могут далеко не все категории граждан.

В то же время проблема доступности массового спорта для молодежи не относится к числу хорошо разработанных тем, так как она не стала предметом для рассмотрения кандидатских и докторских исследований, а также самостоятельного социологического анализа. Это свидетельствует о высокой степени научной актуальности проблемы представленного исследования.

Целью данной статьи является разработка методологических оснований изучения доступности массового спорта для молодежи в возрасте 21–30 лет.

Поскольку массовый спорт позиционируется как общественное благо, предоставляемое в форме услуги, далее будет предложена методологическая платформа изучения его доступности для современной российской молодежи в возрасте 21–30 лет. Рассмотрим проблему в контексте здоровьесберегающего потенциала массового спорта.

Исследование вопросов здоровья и сохранения жизненных сил молодежи в контексте спортивной деятельности сегодня осуществляется по нескольким научным направлениям. Среди них следует отметить социологический анализ неблагоприятных тенденций по вопросу здоровья российской молодежи, представленный в исследованиях Н.Х. Гафиатулиной (*Гафиатулина, 2016*), по вопросам валеологии – в статьях С.В. Журавлевой (*Журавлева, 2008*), рассмотрение причин снижения уровня здоровья российской молодежи и поиск стратегий его повышения – в работах Н.С. Горяиновой (*Горяинова, 2016*), а также анализ факторов риска, изложенный в трудах С.И. Григорьева, Л.Г. Гусякова (*Григорьев, Гусякова, 2014*).

Очевидно, что между такими понятиями, как «жизненные силы» человека и «массовый спорт» существует устойчивая связь: массовый спорт благоприятно влияет на развитие общего жизненного тонуса человека.

Исследование потребности в здоровье, ресурсов здоровья и его перспектив, самосохранительного поведения, продолжительности жизни повлекло за собой появление новых отраслей и направлений в социологии. К ним, в первую очередь, нужно отнести такие научные направления, как передача информации, касающейся здоровья населения (социология коммуникации), социология тела (*Гашков, 2009*), социология жизни как концепция исследования социальной реальности (*Тезаурус..., 2009*), отношение к жизни как социальной сущности человека (*Орлов, 2017*), парадигма эквантропоцентрической социологии (*Дридзе, 1998*) и другие.

Возросшая значимость проблемы качественного развития способности молодого человека к воспроизводству и реализации своей жизни масштабно актуализировала значение виталистской этики и социологического витализма в контексте изучения вопросов, касающихся ФКиС.

Социологический витализм нашел отражение в работах отечественных ученых С.И. Григорьева, Л.Г. Гусяковой, Л.Д. Деминой, Ю.Е. Растова и др. Он представляет собой универсальную метатеорию, позволяющую изучить соотношенность развития жизненных сил человека с его жизненным пространством, развитостью социокультурной среды бытия, где происходит взаимодействие между ними (*Григорьев, 2007*).

Виталистская социология, как и социологический витализм в целом, не противопоставляет себя другим социологическим теориям. Они являются их органическим продолжением, основанием интеграции, позволяющей более точно и эффективно развивать человека и общество в стратегическом, актуально-практическом и технологическом планах. Их роль в условиях движения человечества к цивилизации управляемой социоприродной эволюции, ноосферному социализму возрастает и будет постоянно востребованной, так как усложняющаяся жизнь человека и общества, рост рисков для их бытия, темпов социально-исторических и социокультурных изменений закономерно будет сохранять их востребованность.

Это в полной мере касается и развития спортивной отрасли, где должен быть найден оптимальный вариант между тенденциями коммерциализации современного спорта, его профессионализации и обеспечения его доступности для самых широких

слоев молодежи, руководствуясь тем, что массовый спорт представляет собой безусловное общественное благо.

Виталистская социология как социологическая парадигма основывается на таких базовых, исходных понятиях, как «жизненные силы человека», «жизненные силы общества», «жизненные силы социальной группы», «жизненные силы социального государства», «жизненные силы нации», «жизненное пространство человека», «жизненное пространство общества», «жизненное пространство группы», «жизненное пространство социального института», «жизненное пространство нации» (Демина, Ратников, 2010).

Виталистская парадигма учитывает адекватное развитие жизненных сил человека и общества их жизненному пространству, развитости социокультурной среды бытия, где происходит взаимодействие между ними (Социология..., 2007). Жизненные силы характеризуются способностью человека воспроизводить и совершенствовать свою жизнь в исторически конкретном витальном пространстве.

Вследствие сказанного необходимо учитывать и то, что человек в рамках концепции социологического витализма определяется как «биопсихосоциальное существо, жизнь которого состоит из биологических, психических, физических и социальных сил, в котором взаимосвязано природное и социокультурное» (Социологический витализм..., 2007). На основе такого понимания сути социального актора виталистская социология характеризует материальную и духовную жизнь людей, формирование и воспроизводство социальной формы.

На микроуровне речь идет о взаимодействии жизненных сил социального пространства социума каждого из социальных субъектов бытия в трех основных формах:

- 1) как природное «слепое» взаимовлияние жизненных сил и социальной среды людей, выступающих в качестве субъектов биопсихосоциальной жизни;
- 2) как их взаимодействие при помощи неизменных культурных символов, констант культуры;
- 3) как социально-преобразующее, социально-творческое взаимовлияние, которое обеспечивает инновационное развитие, его устойчивую связь с культурным опытом, обычаями и новациями.

На основе обозначенной системы понятий виталистской социологии характеризуются общественная культура, общественное положение и та роль, которую играет субъект в социальной жизни в историческом и социально-территориальном конкретном жизненном пространстве, дифференцирующимся в социуме по основным отраслям: экономическая, политическая, социально-бытовая, физкультурно-спортивная, духовно-культурная, социально-экологическая.

Объединяя духовные и материальные ресурсы каждого индивида, всех основных субъектов общественной жизни, социологический витализм на базе первичных социальных отношений исследует и представляет их физические силы, развитость их способности воспроизводить и совершенствовать свою жизнь в конкретной отрасли общественных отношений (Демин, Кошкина, Паронян, 2009).

При этом речь идет не только о потенциале и активности субъектов социального развития, но и об их мотивации, социальном пространстве во всех областях жизнедеятельности, в том числе и в спортивно-массовой отрасли.

Массовый спорт предоставляет возможность человеку качественно совершенствовать свою жизнь, увеличивать потенциал здоровья и развивать «жизненные силы». Именно поэтому в целях осуществления анализа проблемы обеспечения доступности для молодежи массового спорта в качестве общественного блага внима-

ние было сконцентрировано на положениях концепции жизненных сил человека и общества, разрабатываемой в рамках социологического витализма, акцентирующего внимание на растущей значимости вопросов сохранения здоровья и жизненных сил человека.

Ограничение доступа различных слоев населения к необходимым благам (в том числе к массовому спорту) приводит к снижению уровня жизненных сил современной молодежи, что отрицательно сказывается на общем тоне и качестве жизни.

Массовый спорт мы рассматриваем в качестве разновидности общественного блага, так как он обладает свойствами повышенной значимости для нормальной социализации молодежи. Институциональные ограничения, которые возникли в массовом спорте на современном этапе развития, делают наиболее уязвимыми от их негативных последствий молодежь в возрасте 21–30 лет. Для их анализа был использован методологический концепт виталистской социологии, представленной в работах С.И. Григорьева, Л.Г. Гусяковой, Л.Д. Деминой, Ю.Е. Радова.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Болозин Андрей Александрович

Старший преподаватель кафедры педагогики и непрерывного педагогического образования, Астраханский государственный университет
E-mail: andrew-bolozin@mail.ru

Bolozin Andrey Aleksandrovich

Senior Lecturer of the Department of Pedagogy and Continuing Teacher Education, Astrakhan State University,
E-mail: andrew-bolozin@mail.ru

Литература

1. Гашков С.А. Социальная философия М. Фуко и К. Касториадиса: пути к сопоставлению // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2009. Вып 1. С. 190–201.
2. Гафиатулина Н.Х. Здоровье молодежи российского общества: социологический анализ неблагоприятных тенденций // Вестник Института археологии и этнографии. 2016. № 1. С. 140–143.
3. Горяинова Н.С. Ценностные приоритеты Российской студенческой молодежи в области здоровья в условиях кризиса физической культуры и спорта / под ред. А.П. Бандурина. М., 2016. 143 с.
4. Григорьев С.И., Гусякова Л.Г. Ценностные ориентации молодежи и их воспитательное значение: десять лет спустя // Социальная педагогика в России. 2014. № 6. С. 48–50.
5. Григорьев С.И. Основы виталистской социологии XXI века. М., 2007. 376 с.
6. Демина Л.Д., Ральникова И.А. Психологическое здоровье и защитные механизмы личности. Барнаул, 2010. 146 с.
7. Демин А.К., Кошкина Е.А., Паронян Н.Д. Социальное маркетинговое исследование по вопросам образования в области здоровья и укрепления здоровья // Образование в области здоровья и укрепления здоровья. М., 2009. С. 43–52.
8. Дридзе Т.М. Экоантропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек. 1998. № 2. С. 95–99.
9. Журавлева И.В. Здоровье и болезни в европейском обществе // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 15–16.
10. Орлов М.О. Ценностные основания бытия человека: философский и социокультурный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Социология. 2017. № 4. С. 398–404.
11. Социология жизненных сил человека: от метафоры к концепции / под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. Барнаул, 2007. 198 с.
12. Социологический витализм как методологическая и социально-технологическая основа эволюции социальной квалиметрии в России начала XXI века / Под ред. С.И. Григорьева. М., 2007. 132 с.
13. Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2009. 322 с.

References

1. Gashkov S.A. Social philosophy of M. Foucault and K. Castoriadis: ways to compare // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 6: Political Science. International relations. 2009. Issue 1. P. 190-201.
2. Gafiatulina N.H. Zdorovye molodezhi rossiyskogo obshchestva: sotsiologicheskiy analiz unfavorable tendencies // Vestnik Instituta arkheologii i ethnografii. 2016. №1. P. 140-143.
3. Goryainova N.S. Value priorities of the Russian student youth in the field of health in the conditions of the crisis of physical culture and sports / Ed. by A. P. Bandurin. M., 2016. 143 p.
4. Grigoriev S.I., Guslyakova L.G. Value orientations of youth and their educational significance: ten years later // Social pedagogy in Russia. 2014. №6. P. 48-50.
5. Grigoriev S.I. Fundamentals of Vitalist sociology of the XXI century. Moscow, 2007. 376 p.
6. Demina L.D., Ralnikova I.A. Psychological health and protective mechanisms of the individual. Barnaul, 2010. 146 p.
7. Demin A.K., Koshkina E.A., Paronyan N.D. Social marketing research on education in the field of health and health promotion // Education in the field of health and health promotion. Moscow, 2009. P. 43-52.
8. Dridze T.M. Ecoanthropocentric paradigm in social cognition and social management. 1998. №2. P. 95-99.
9. Zhuravleva I.V. Health and disease in European society // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2008. № 2. P. 15-16.
10. Orlov M.O. Tsennostnyye osnovaniya bytiya cheloveka: filosofskiy i sotsiokul'turnyy analiz // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. 2017. № 4. P. 398-404.
11. Sociology of human life forces: from metaphor to concept / ed. by S. I. Grigoriev, L. D. Demina. Barnaul, 2007. 198 p.
12. Sociological vitalism as a methodological and socio-technological basis for the evolution of social qualimetry in Russia at the beginning of the XXI century / Edited by S. I. Grigoriev. M., 2007. 132 p.
13. Thesaurus of sociology: a thematic dictionary-reference / edited by Zh. T. Toshchenko. M., 2009. 322 p.

Поступила в редакцию

15 января 2020 г.

УДК 316

Спорт как социальный институт**В.В. Кожин***Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. В статье дается методологическое обоснование тому, что спорт является целостным социальным институтом, включающим в себя несколько субинституциональных разновидностей. Для обоснования этого подхода предлагается интегративное определение спорта, основанное на выделении его социальных характеристик. Методологически авторская концепция разворачивается через неинституциональную парадигму Д. Норта, в рамках которой социальный институт понимается как совокупность формальных и неформальных ограничений. Эти же институциональные границы закладываются для оценки спорта, как категории социологической науки. Данная методология дает возможность оценить институт спорта в контексте тех социальных трансформаций, которые он претерпевает в последние годы своего развития.

Ключевые слова: спорт, профессиональный спорт, социальный институт, неинституционализм, социальные нормы, трансформация спорта.

Для цитирования: Кожин В.В. Спорт как социальный институт // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. №1. С. 55–60.

Sport as a social institution**Vladimir V. Kozhin***Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract: The article provides a methodological justification for the fact that sport is an integral social institution that includes several subinstitutional varieties. To justify this approach, an integrative definition of sport is proposed, based on the identification of its social characteristics. Methodologically, the author's concept unfolds through the neoinstitutional paradigm of D. North, in which the social institution is understood as a set of formal and informal restrictions. The same institutional boundaries are laid down for the evaluation of sports as a category of sociological science. This methodology makes it possible to evaluate the institute of sports in the context of the social transformations that it is undergoing in the last years of its development.

Keywords: sports, professional sports, social institution, neoinstitutionalism, social norms, transformation of sports.

For citation: Kozhin V.V. Sport as a social institution // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol. 3. №1. P. 55–60.

Говоря об актуальности темы исследования, прежде всего, необходимо обратить внимание на те многочисленные сложности, которые имеются в функционировании российского профессионального спорта на современном этапе его развития. Под сложностями мы понимаем несколько аспектов, свидетельствующих о наличии неблагоприятных тенденций. В их числе следует указать на участвовавшие банкротства спортивных команд; жалобы на недофинансирование, что препятствует достижению высоких спортивных результатов, в том числе на международной арене; рост недовольства со стороны социума, вызываемое резким контрастом между уровнем зарплат профессиональных спортсменов и качеством показываемых ими спортивных результатов. В поле критики попадают, прежде всего игровые виды спорта, наиболее популярные в российском обществе, где рост зарплат спортсменов, выплачиваемых из государственного бюджета, непропорционален их спортивным результатам. Всё это свидетельствует о том, что профессиональный спорт находится в состоянии глубокого кризиса, а возможно даже и в тупике, если будет признано, что выбранная траектории его движения оказалась ошибочной.

Изучение проблематики профессионального спорта, как мы полагаем, необхо-

димо поставить в контекст решения некоторых проблем методологического характера, которые имеются в общей теории социологии спорта. В свете сказанного цель исследования можно определить как установление институциональных границ спорта в качестве категории социологической науки.

Концептуализацию проблематики начнем с определения спорта. Любые рассуждения о функциях спорта, его институциональных механизмах, типологии, определении содержательных основ отдельных видов спорта, включая профессиональный спорт, предполагают необходимость установления терминологических границ общего, родового понятия. При этом следует подчеркнуть особо, что поскольку исследование осуществляется в области социологии, то решение поставленной задачи имеет двухступенчатый характер. Во-первых, нужно дать универсальное понимание спорта, т. к. он является объектом межпредметного изучения, во-вторых, отталкиваясь от него, сформулировать определение спорта, как социального явления. Именно последнее будет, прежде всего, интересно с социологической точки зрения.

Универсальное определение спорта, которое бы отражало интегративный комплекс представлений ученых разной предметной направленности, дать несложно, ибо дискуссия среди специалистов ведется, но по частностям. Безусловно, ученые спорят о том, какие компоненты спорта более значимы для его описания, как понятия, посредством которого характеризуются определенные виды общественной деятельности, а какие утрачивают в новых социальных условиях свою значимость (Лубышев, 2019). Но, в целом, современные специалисты консолидировано, не противореча друг другу в главном, сходятся во мнении, что спорт складывается в единое целое из совокупности трех базовых элементов: соревновательности, интенсивности (регулярности) физических нагрузок и игры по правилам (Савичев, 2019). Таким образом, спорт можно считать соревнованием, осуществляемым на основе солидарного признания установленных правил, высокого уровня физических нагрузок и систематичности спортивной деятельности. Это наше рабочее определение.

Определить его социальную сущность уже сложнее. В нём удельный вес тех или иных компонентов не просто дань личным предпочтениям ученых, а платформа для широких обобщений относительно тенденций развития спорта и его функций (Табатадзе, Москвичев, Петров, 2015). В этом смысле социальная природа спорта во многом понимается в качестве некоей идеальной (или желательной) модели, которая концептуализируется для решения определенного рода исследовательских задач. Кроме того, различные интерпретации базового определения осуществляются с учетом предметной принадлежности ученого, и акценты в определениях делаются в связи с тем, на что направлен его когнитивный интерес. Собственно, понимание того, какие социальные смыслы обретает спорт в процессе своей трансформации прочно завязывается на предметную специфику автора исследований. Экономисту спорт может представляться бизнес-продуктом, тренеру – совокупностью методик для тренировок и проведения соревновательной активности, политику – посланцем мира или фактором раздора, педагогу – источником здорового образа жизни, философу – социокультурным явлением и т.п.

В социологии спорт принято анализировать либо как разновидность социальной деятельности, либо в качестве социального института. Определяя социальный смысл спорта, мы будем придерживаться второго, институционального подхода.

Анализируя сложившиеся дискурсивные практики вокруг понимания институциональных характеристик спорта, мы обратили внимание на методологическую аморфность многих концепций. Объяснить это можно тем, что авторы не определяют парадигмальные основания для собственных исследований. А между тем, декла-

рация институционального подхода сама по себе ничего не проясняет в авторских позициях, поскольку в социологии нет единой модели социального института. Сложилось несколько принципиально разных подходов. Их применение, таким образом, потенциально содержит в себе самые разные инструментальные и когнитивные возможности. Поэтому, прежде всего, считаем необходимым разъяснить свои методологические основания, показав, одновременно, мотивы именно их выбора.

Оптимальным решением нам видится избрание неоинституциональной методологии Дугласа Норта. Она, как мы ниже покажем, содержит достаточный потенциал для сборки всех необходимых институциональных элементов спорта в рамках единого методологического конструкта. Ученый понимает социальный институт в качестве совокупности устойчивых формальных и неформальных норм, сложившихся в целях оптимизации издержек для достижения социальными акторами своих индивидуальных целей и определения перед ними наиболее рациональных способов достижения целевых ориентиров (Норт, 1997). Значимость формальных правил Д. Норт подчеркивает тем, что они представляют собой «согласительные процедуры и действующие на практике стандарты, которые структурируют отношения между индивидами» (Норт, 1997). Правила формальные имеют писанный характер и представляют собой решения специально уполномоченных органов, включая органы государственной власти, межправительственные организации и прочие структуры, чья административно-распорядительная деятельность признается авторитетной и чьи нормативные указания основаны на ресурсе диктовать социальным акторам императивную волю (Норт, Уоллис, Вайнгайт, 2011). Равноценную важность в ходе формирования нормативно-регуляционного пространства также имеют неформальные нормы. К ним относятся деловые обыкновения, традиции, корпоративные решения рекомендательного типа (не оформленные законом) и др.

Собственно, именно совокупность формальных и неформальных правил, если она организуется в устойчивый и признаваемый в виде значимого регулятивный комплекс, образует социальный институт. Иными словами, совокупность норм становится социальным институтом только через акт признания его социальными акторами в качестве значимого для себя регулятива (*Ценностная политика...*, 2015). Из этого следует, что институциональное пространство не может образовываться только через акты создания правил поведения. Как в случае с формальными, так и в отношении неформальных норм должно быть конвенциональное признание их нормативных ограничений, регулирующих социальную деятельность. Этим нормы социального института отличаются от обычных норм правового института, который создается государством как безусловный и универсальный регулятор. Д. Норт отмечает, что принятие норм, образующих институциональный комплекс, осуществляется благодаря тому, что социальный актор в таком принятии видит для себя выгоды определенного характера. Речь идет, прежде всего, о достижении целей, обладающих для него особой значимостью. Соблюдение норм при таких обстоятельствах признается наиболее рациональным типом поведения, способным обеспечить максимально краткий путь к достижению цели с наименьшими временными и ресурсными затратами (Норт, 1997).

Следовательно, институциональный комплекс, куда включаются не только ограничения, но и стимулы, является конвенциональным по своей сущности. Акторы сознательно готовы следовать институциональным ограничениям, полагая, что наличие ограничительных рамок будет способствовать упорядочиванию социального действия. При этом институциональным стимулом следует считать обеспечение прозрачности для целедостижительной деятельности. "Институциональные ограни-

чения включают как запреты индивидам совершать определенные действия, так и иногда указания, при каких условиях отдельным индивидам разрешены некоторые действия. Поэтому, как уже было сказано, институты представляют собой рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом" (Норт, 1997).

Таким образом, социальные институты, будучи устойчивыми нормативными комплексами, выполняют два рода задач: обеспечивают общественную устойчивость и облегчают социальным акторам возможность достигать индивидуальные цели наиболее рациональными в данном обществе средствами. Если будет иметь место непрерывная смена норм, то это обусловит возрастание процессов неопределенности и хаоса, а возможно даже и разрушения самих основ существования социума.

Опираясь на такое понимание социального института, спорт можно рассматривать не только через призму устойчивых комплексов формальных и неформальных норм, но и в контексте индивидуальных и групповых смыслов, обуславливающих участие социальных акторов в спортивной деятельности. Нередко под неоинституциональным подходом понимается только нормативный аспект в изучении социальных институтов. Однако это не совсем правильно. Социолог обычно не изучает социальную реальность вне субъекта. Рассматриваемая методология содержит искомый потенциал субъектности. Сама устойчивость нормативных комплексов становится возможной только потому, что имеется солидарное согласие, конвенциональное решение со стороны акторов на предмет того, признавать нормы значимыми для себя или нет. И, что особенно важно, такое понимание потенциально содержит в себе возможность выделять не только индивидуальные смыслы, каковых может быть великое множество, но и осуществлять типологию субъектов спортивной деятельности с точки зрения их типовых представлений о целевых ориентирах своего участия в тех или иных разновидностях спортивных практик. Это дает нам возможность посмотреть на институт спорта как бы глазами его участников, увидеть их видение перспектив развития, отношение к трансформационным процессам, ожидание от принятия тех или иных норм, а также обоснование необходимости их институционализации в том или ином направлении. Это особенно важно в связи с тем, что профессиональный спорт, как часть института спорта, находится на стадии формирования. Такой подход даст нечто большее, чем стандартное выделение социальных функций в спорте, которым, как правило, ограничиваются социологи. Функциональный анализ, безусловно, очень важен, но он имеет обезличенный характер и едва ли способен четко отразить существующие ценности, интересы и потребности разных групп социальных акторов, ориентирующихся в своей спортивной деятельности на принятые в социуме устойчивые институциональные комплексы. Функции, как правило, выделяют с позиции некоего объективного интереса, но, на самом деле, их характеристики всецело подчинены субъективным представлениям исследователя.

Неоинституциональный подход интересен также с точки зрения трансформационных интенций двух понятий, объединенных в соответствии с логикой развития институциональных практик в дихотомию: стабильность/изменение. Современный спорт высших достижений постепенно трансформируется. Он приобретает качественно иное состояние. Внутренним отражением этой трансформации является распад старых и возникновение новых нормативных практик. В большинстве видов спорта меняются регламенты проведения соревнований, отношение к границам допустимого и невозможного, профессиональная культура, поведение спортсменов по отношению друг к другу, функционерам, зрителям и т.п. Оценка этих изменений позволит понять настолько они соотносятся с требованиями, которые адресуются разным типам социальных акторов, в той или иной степени имеющих отношение к ор-

ганизации, проведению и участию в спортивной деятельности. Анализ спорта, как социального института, предполагает выявление векторов трансформационных процессов, которые задаются принятым балансом устойчивости социальных норм. Д. Норт рассматривает этот баланс с позиции гибкости и жесткости институциональных ограничений. Следовательно, интенсивность и качественные характеристики изменений в спорте зависят от того, какие категории норм признаются жесткими (и, соответственно, не допустимыми к отмене или существенной конверсии), а какие являются гибкими (и, соответственно, могут быть модифицированы, либо вовсе исключены из институционального комплекса).

Предложенная методологическая модель позволяет нам посмотреть на спорт именно как на социальный институт. Поскольку его ядром является устойчивая совокупность однородных с точки зрения предмета социальной регуляции нормативных ограничений, то подобное понимание раскрывает возможность более эффективного управления процессами, протекающими в спорте. Для этого необходимо, во-первых, учитывать сложившееся равновесие жестких и гибких норм, поскольку от него зависит успешность воздействия на институциональные практики (жесткие нормы, особенно неформального типа, менять нельзя в силу неготовности субъектов спортивной деятельности к резкому изменению социальных смыслов, касающихся природы спорта); во-вторых, принимать во внимание целевые ориентиры в поведении субъектов спортивной деятельности, т.к. именно они поддерживают устойчивость нормативных комплексов, конвенционально соглашаясь следовать принятым ограничительным рамкам (вместе с тем, принципиально важно учитывать возможность сохранения баланса целевых ориентаций между субъектами спортивной деятельности, т.к. его отсутствие поставит под сомнение устойчивость функционирующих норм и тогда трансформационные изменения в институциональной системе примут неконтролируемый характер). Особо хотелось бы подчеркнуть наличие ресурсной базы влиять на процессы в институте спорта у государства, как основного источника, из которого проистекают действующие в российском социуме формальные нормы, т.к. в традициях нашей страны именно государственная власть формирует основные тренды социального развития. Это можно также считать регулятивным механизмом для координации социальных траекторий субъектов спортивной деятельности.

Таким образом, социальный институт спорта можно определить как комплекс формальных и неформальных норм, чья устойчивость зависит от его способности обеспечивать удовлетворение целевых ориентаций субъектов спортивной деятельности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кожин Владимир Владимирович

Соискатель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

E-mail: 89526071117@mail.ru

Kozhin Vladimir Vladimirovich

Applicant of the Department of theoretical sociology and methodology of regional studies, Institute of sociology and regional studies,

Southern Federal University

E-mail: 89526071117@mail.ru

Литература

1. Лубышева Л.И. Диверсификация понятий в методологии спортизированного физического воспитания // Теория и практика физической культуры. 2019. №3. С. 3-6.

2. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 327 с.
3. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство института Гайдара, 2011. 237 с.
4. *Савичев А.А.* Понятие спортивного права в российской юридической доктрине // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2019. №1. С. 12-19.
5. *Табатадзе Г.С., Москвичев Ю.Н., Петров Н.Ю.* Теоретико-методологические аспекты исследования спорта как социально-культурного явления // *Философия социальных коммуникаций.* 2015. №2. С. 115-127.
6. *Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. 376 с.*

References

1. *Lubysheva L.I.* Diversification of concepts in the methodology of sportized physical education // *Theory and practice of physical culture.* 2019. №3. P. 3-6.
2. *North D.* Institutes, institutional changes and functioning of the economy. Moscow: Nachala, 1997. 327 p.
3. *North D., Wallis J., Weingast B.* Violence and social orders. Conceptual framework for the interpretation of the written history of mankind. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2011. 237 p.
4. *Savichev A.A.* The concept of sports law in the Russian legal doctrine. *Journal of the Higher School of Economics.* 2019. №1. P. 12-19.
5. *Tabatadze G.S., Moskvichev Yu.N., Petrov N.Yu.* Theoretical and methodological aspects of sports research as a socio-cultural phenomenon. 2015. №2. P. 115-127.
6. *Value policy and institutional practices in the field of interethnic relations in economically developed countries with a complex ethno-cultural structure: Monograph / Ed. by Yu.G. Volkov. Rostov n/D: Foundation of Science and Education, 2015. 376 p.*

Поступила в редакцию

29 января 2020 г.

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам в области исследования макрорегиона Большого Кавказа в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Требования к оформлению статей соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIH PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Разделы журнала:

1. Геополитика Большого Кавказа
2. Религии и регионы Большого Кавказа
3. Этнология народов Большого Кавказа
4. Цивилизации и культуры Большого Кавказа
5. Социальные институты региона: прошлое, настоящее, будущее
6. Дискуссионная трибуна
7. Рецензии
8. Молодежный формат

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – не более 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Графики, диаграммы, схемы и рисунки представляются в формате Word 1997–2003 на отдельной странице. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.
- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.
- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунок, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.
- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25.

Информация об авторе на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью), Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i>
Аннотация <i>(объем от 200 до 300 слов)</i>
Ключевые слова <i>Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой</i>

Информация об авторе на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке, <i>(Anna V. Ivanova) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте http://translit.ru, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.</i> Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация на английском языке <i>Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).</i>
Аннотация на английском языке <i>(объем от 200 до 300 слов)</i>
Ключевые слова на английском языке <i>Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой</i>

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г.И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 197–202.

Оформление русскоязычной литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на англий-

ском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Author Guidelines

The journal accepts the articles for actual theoretical and practical issues of the research of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

The design of the articles meets the standards of international scientific journals in order to be accepted to the international databases in future.

Focus and Scope:

The journal offers the following subject headings in correspondence to the profile of the edition:

1. Geopolitics of the Great Caucasus.
2. Religions and Regions in the Great Caucasus.
3. Ethnology of the Peoples in the Great Caucasus.
4. Civilizations and Cultures in the Great Caucasus.
5. Social Institutions in the Region: Past, Present, Future.
6. Discussion Tribune.
7. Reviews.
8. Youth Format.

Languages of Publication:

The journal includes publications of articles in English and Russian.

The **recommended length** of articles is no more than 40 000 characters, spaces included, including illustrations, schemes, footnotes, bibliography, abstract and keywords.

Typesetting of article texts must be carried out on computers in the MS Word program (A4 format, one-and-a-half line spacing, font size 14, Times New Roman, justified alignment, margins from the top, bottom, left, right - 2 cm, page numbering is solid, starting with the first).

Schemes, tables, photographs and pictures must be numbered and are presented with the titles (inscription) or headings..

The recommended level of originality of the article is 80%

improper:

- Verbatim copying of another author's text of without attribution of his authorship, without reference to the source and the use of quotation marks.

- Incorrect paraphrasing, in which more than one sentence is changed within one paragraph or section of the text, or the sentences are arranged in a different order without a corresponding reference to the source.

- Use of graphic elements of another author's work without attribution (figure, table, etc.) and reference to the source. Authors must obtain permission from the copyright owner to use elements of their work.

- Self-plagiarism. If fragments of the manuscript were previously published in another article, the authors are obliged to refer to the earlier work, indicate what is the significant difference between the new work and the previous one and, at the same time, identify its connection with the research results and conclusions presented in the previous work.

- Self-citation. The references should not contain more than 20% of the works of the authors of the manuscript.

References are placed after the main text (at the end of it). The recommended number of used sources is 20-25.

The article are accepted by the **e-mail**: csb.journal@mail.ru

Information about the author

Title
First Name, Last Name (Anna Ivanova) Scientific degree, title, position E-mail: Tel .:
Affiliation
Abstract (Length 200-300 words) <i>Should contain the information on the purpose, structure, methods, conclusions of the research</i>
The keywords must consist of 5–10 words, separated by a semicolon
Highlights <i>Should reflect the key results of the research, presented in 3-5 items of the bulleted list</i>

The structure of the article

The article should be written in the international format – **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Each part of the article reveals certain questions.

Introduction	What is the problem of the research? The introduction should determine the nature of the problem, indicate the purpose of the research, present its hypothesis and justify the importance of the study
Materials and Methods (Theoretical basis)	How was the problem studied before?
Results	What are the main findings or even discoveries? This part presents the results of the research in a clear logical sequence, without interpretation of the results. It is here tables, drawings and graphics are most often used.
Discussion	What do the results mean? The discussion should focus on the interpretation of the results and other related materials. This part should explain the importance of the observed opinion for the purpose of the study; link the results to the hypothesis.
Conclusion	The conclusion should summarize the results and its significance, describe the consequences and practical meaning of the research, give recommendations, if possible.
Acknowledgments	Reference to the grant (if any).
References	

Reference to bibliographical literature must be made **within the text** round brackets (Surname of the first author, year of publication. page).

For example, (Acemoglu, 2003. P. 630).

The bibliography should include only the sources used in the article with the links. The sources are listed alphabetically.

References

The design of References is based on **APA Style**, developed by the American Psychological Association, and widespread in social sciences. For more information: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

EXAMPLES:

BOOKS

Author (Year of publication). *Title*. Place of publication: Publishing house.

Cornell, S. (2005). *Small nations and great powers: a study of ethnopolitical conflict in the Caucasus*. London and New York: Routledge.

ARTICLES

Author (Year of publication). *Title*. *Journal*, Volume, Issue, Pages.

Barnes, L. (2005). Religion, Education and Conflict in Northern Ireland. *Journal of Beliefs Values*, 26(2), 123–138.

ELECTRONIC RESOURCE

Title. (Year of publication, if any). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

THESIS

Author (Year of publication). *Title*. (Doctoral Dissertation, University, City)

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

BOOK UNDER THE GENERAL EDITORSHIP

Author (Year of publication). *Title*. In Editors (Eds.). Place of publication: Publishing house.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

ARTICLE IN THE CONFERENCE PROCEEDINGS

Author (Year of publication). *Title*. In *Conference title: Proceedings of the Scientific Conference*. Place of publication: Publishing house.

Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

